

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

СОЧИНЕНІЯ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

Ч А С Ы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава первая.

Костя Клочковъ — мальчикъ часового магазина Клочковыхъ. Вотъ вышелъ Костя заводить часы на Соборной колокольнѣ, — всякую недѣлю вечеромъ Костя заводитъ часы на Соборной колокольнѣ, а всякій вечеръ провѣряетъ.

— Костя, почему у тебя носъ кривой? — донесло будто вѣтромъ и ударило Костю въ ухо.

Костя закусилъ отъ злости длинную жалкую губу, задергался: у него и вправду носъ кривой.

И какъ ни сжимается Костя, какъ ни прячется, всякому въ глаза лѣзетъ, — башлыкъ не помогаетъ, вѣтеръ срываетъ башлыкъ. А прохожіе не упускаютъ случая подразнить и посмѣяться надъ уродомъ.

Такіе ужъ прохожіе. Такой ужъ Костя.

Костя пробирался черезъ людныя толкучія улицы къ Собору, на Соборную колокольню часы заводить.

Въ карманѣ у него гремѣли часовые ключи. Этими страшными ключами онъ могъ бы проломить самый упорный черепъ любому изъ задиравшихъ его прохожихъ, но проклятая печать — торчащій на сторону носъ не давалъ ему покоя. Словно рана, разрасталась проклятая печать и

ужь не на лицѣ его, а гдѣ-то въ сердцѣ и, какъ тяжесть, тяжелѣла она со дня на день, становилась обузнѣе, пригибала ему хребетъ.

И опускались руки.

Не разъ дома передъ зеркаломъ зажималъ Костя пальцами свой кривой носъ. Онъ хотѣлъ, чтобы у него былъ правильный носъ, какъ на картинѣ! И сжималъ его до тѣхъ поръ, пока не казалось ему, что носъ выпрямлялся.

Но это только такъ казалось ему, все было по старому, по-прежнему, хуже—Костю ловили передъ зеркаломъ, подымали на смѣхъ, и нерѣдко, впадая въ ярость, онъ бросался и кусалъ своихъ обидчиковъ, а за это попадало.

И опускались руки.

„А если завтра, утромъ завтра, когда я раскрою глаза и подойду къ зеркалу, и вдругъ я буду не такой. Тогда скажутъ всѣ: Костя!—Костя, замечтавшись, прищелкнулъ языкомъ отъ удовольствія,—Костя, скажутъ, у тебя носъ“...

— Костя, почему у тебя носъ кривой?—донесло будто вѣтромъ и снова ударило ему въ ухо.

—Врешь! Ты врешь!—крикнулъ на всю улицу Костя.

Но гдѣ ему оборониться отъ назойливаго приставанія, гдѣ ему перекричать всю эту проклятую долбню, преслѣдующую его даже въ свистѣ вѣтра!

Сперло дыханіе, морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

Вспомнилъ Костя обиды, насмѣшки и всякія прозвища, какія только пришлось ему слышать за всю свою маленькую уродливую жизнь, и какія самъ на себя, растравляя себя, выдумывалъ. Они падали ему на голову и, казалось, щипали за башлыкомъ, ползли за воротъ подъ рубашку и тамъ кусали грудь. И, прокусивъ грудь, слились въ гадкую пьавку. И принялась эта гадкая пьавка сосать Костѣ сердце.

Ну раскроетъ онъ завтра глаза, подойдетъ къ зеркалу

ну и что же? Какіе у него глаза? Одинъ—косой, другой—выпученный. Косой и выпученный. И не глаза у него, а бѣльма. И никто никогда не приставитъ ему ни новаго носа, ни новыхъ глазъ, никогда! Какъ родился, такъ и помретъ, онъ—дуракъ и ворона. А если и не дуракъ и не ворона, ну идіотъ,—разница небольшая.

Окатывало жаромъ засунутыя глубоко въ карманы руки, саднило морозомъ пальцы.

Пристанетъ къ человѣку такая гадина, такая пьявка, берегись!—не дастъ уже пощады, измучаетъ, изсосетъ все сердце.

Костя вдругъ заплакалъ, и сквозь слезы увидѣлъ себя дуракъ-дуракомъ, вѣдь такъ всѣ его и звали дуракомъ, вороною, идіотомъ: онъ ходилъ не такъ, какъ другіе, а какъ-то бокомъ, онъ смѣялся не такъ, какъ другіе, а какъ-то срыву, онъ все не такъ дѣлалъ, не по-людски.

Но какъ надо? Кто его научить?

А почему бы ему руки на себя не наложить? Или онъ не можетъ на такое рѣшиться? А если не можетъ, то онъ, кромѣ того, что дуракъ, ворона и идіотъ, онъ еще и дрянцо порядочное. Нюнить, клянчить. Ну зачѣмъ онъ живетъ? День-денской торчитъ въ магазинѣ, вечерами на колокольнѣ заводитъ часы. Для чего ему часы заводитъ? Чтобы шли они, не останавливались? Чтобы шли они ровно и скучно отъ часа до часа? А его щиплютъ и будутъ щипать. У него носъ кривой! Но дѣло не въ часахъ и не въ носѣ. Вообще-то зачѣмъ жить?

Костя пристылъ къ мѣсту. Вздрагивающія въ слезахъ губы его перебирали дѣтскую пѣсню, — эту пѣсню пѣла Христина, жена его брата Сергѣя надъ своей Иринушкой. И казалось ему, напѣвая пѣсню, онъ говоритъ съ кѣмъ-то, кто еще свѣтитъ ему въ его темную косолапую жизнь. Казалось ему, онъ отдаетъ въ этой чуть слышной пѣснѣ всю свою горечь: и то, что бьется въ немъ и никто

не услышитъ, и то, что болѣетъ въ немъ, и никто не взглянетъ, и то, что горюетъ въ немъ и никогда не откроется, и то, что умираетъ въ немъ и помретъ. А онъ хочетъ жить. И какъ бы онъ зажилъ, если бы возможно было, проснувшись утромъ, увидѣть себя въ зеркалѣ другимъ—съ другимъ носомъ, съ носомъ, какъ на картинѣ!

Не двигался Костя, вытянулся весь, горѣлъ, какъ свѣча.

Комъ снѣга пролетѣлъ мимо Кости, но Костя не замѣтилъ, и другой комъ шарахнулъ его, будто крѣпкимъ крыломъ, но и его Костя не замѣтилъ, и третій комъ птицей клюнулъ Костю въ темя, и ткнулся Костя носомъ въ обвѣтренный холодный тротуаръ и все вдругъ загасло.

Костя лежалъ ничкомъ, не смѣя шевельнуться, маленькой и всѣмъ чужой. На себѣ онъ чувствовалъ камень, и передъ глазами его стылъ камень. Будто вымерло все и не осталось ни одной жизни кругомъ на бѣломъ свѣтѣ. Нѣтъ, все было живо, но самъ онъ умеръ. Костя умеръ!

И, представивъ себѣ внезапно наступившую смерть, Костя ужаснулся: вѣдь онъ хотѣлъ жить, и какъ еще зажилъ-бы, если-бы возможно было, проснувшись утромъ, увидѣть себя въ зеркалѣ другимъ—съ другимъ носомъ, съ носомъ, какъ на картинѣ!

А ударъ за ударомъ тяжелыми гирями бухалъ по спинѣ, колотилъ въ загорбокъ: какіе-то мальчишки, подкарауливъ урода, напустились на него, закидывая его веселыми снѣжками.

И взвигнувъ отъ боли, Костя живо вскочилъ на ноги и пустился.

И бѣжалъ, какъ собака съ перешибленной ногой, визжалъ, какъ собака.

— Куда ты на людей прешь!—огрызались прохожіе.

— Ишь тебя окаянный носить!

— Сторонись, грызило-чортъ!—кричали кучера.

Поздній вечеръ, темнѣя, куталъ въ саванъ землю и ужъ темный плылъ надъ городомъ, сливалъ и смѣшивалъ дома и фабричныя трубы, зажегъ лунное полымя, и поднималъ луну.

Костя прикладывалъ къ носу слипающіеся, такіе огромные, словно не свои, отдавленные пальцы: изъ носа кровь шла, мазала губы и сгущалась въ горлѣ.

— Эй ты, собачья кровь, я тебя!—развернулся вдругъ Костя и изъ всей мочи хряснулъ кулакомъ о фонарный желѣзный столбъ.

И ясно почувствовалъ, что онъ, Костя Ключковъ, кривоносый Костя—самъ по себѣ, а все вокругъ—другое, и онъ можетъ перевернуть это другое—весь міръ. Онъ можетъ перевернуть весь міръ и знаетъ, какъ это сдѣлать.

Твердо шагаль Костя, больше не чувствуя ни боли, ни пинковъ, ни затрецинъ, гордо на показъ выставлялъ Костя кривоносое лицо и поводилъ кривымъ своимъ носомъ.

Только сердце, какъ кусочекъ льда, бултыхалось въ горячей груди. А въ карманѣ гремѣли часовые ключи.

Костя схватился за ключи и, увѣряясь въ себѣ, въ своемъ рѣшеніи, готовый двигать горами, самъ превращался въ ключъ, и ключемъ ужъ плелся увѣренно въ какомъ-то пьяномъ полуснѣ.

Проходилъ Костя улицу за улицей, переулокъ за переулкомъ, залѣзалъ въ сугробы, катился по льду увѣренно въ какомъ-то пьяномъ полуснѣ.

Ужъ мелькала навстрѣчу и съ каждымъ шагомъ подвигалась, росла и бѣлѣла каменная Соборная колокольня съ золотою главой подъ звѣзды.

Глава вторая.

Костя не считалъ колокольныхъ ступенекъ, а ихъ казалось больше, чѣмъ обыкновенно, и одна другой круче. Высоко задиралъ онъ ногу, и соскальзывалъ.

На каждомъ уступѣ встрѣчался съ вѣтромъ. Бросалъ его вѣтеръ, оглушалъ, длинными замороженными пальцами тормошилъ башлыкъ, ледяными жгутиками стегалъ по глазамъ. И сѣдые колокола подвывали.

Заглянулъ Костя къ колоколамъ и выше полѣзъ. И когда достигъ онъ верхняго яруса колокольни, едва ужъ духъ переводилъ.

Но мѣшкать нечего было. Принялся Костя за работу: приподнявшись на цыпочки и, закусивъ вялую губку, схватился окоченѣлыми руками за огромный заводной рычагъ, и, насѣдая всей грудью, сталъ вертѣть.

И зашипѣли, стена, пробужденные, будто помолодѣвшіе часы, захрипѣли старческимъ простуженнымъ горломъ. И замерли. Нѣтъ, тикали—тяжело ходили, медленно переворачивались съ боку на бокъ, отдавались на волю Божью, ибо конца не видѣли: не было имъ конца, у нихъ не было силы и воли остановить разъ навсегда имъ назначенный ходъ.

Захолодѣвшій и озябшій Костя вдругъ отогрѣлся.

Ощеривая ротъ съ пробитыми передними зубами, Костя схватилъ желѣзный пруть. И легко, какъ перышко, подбрасывая желѣзо, бросился къ оконному пролету, проворно вскарабкался на подоконникъ, изогнулся весь и, нечеловѣчески вытянувъ руку, дотронулся дрожащимъ желѣзнымъ прутомъ до большой часовой стрѣлки, зацѣпилъ стрѣлку и повелъ впередъ, и велъ ее, подводя часы на цѣлый часъ впередъ.

Побѣжали за стрѣлкой минуты, не могли ужъ стать, не могли пѣть свою минутную пѣсню, и бѣжали по кругу.

впередъ съ четверти на полчаса, съ полчаса на безъ четверти, а съ безъ четверти на десять, а съ десяти минутъ на пять, а съ пяти на четыре...

Отвелъ Костя желѣзный пруть, бросилъ часовую стрѣлку, и на страшной высотѣ въ шарахающемъ противномъ вѣтрѣ дожидался, когда пробьютъ часы. И, выгнувъ длинно по гусинному шею и упираясь костлявыми ладонями о каменный подоконникъ, смотрѣлъ онъ внизъ на копошившійся, обманутый имъ городъ. Не могъ ужъ сдержатъ клокотавшаго чувства своей безграничной власти, не могъ сомкнуть искривленныхъ, хохочущихъ губъ.

Прыскали отъ хохота слезы и разсѣкались слезы фыркающимъ Костинымъ хохотомъ.

А покорная стрѣлка, завершая кругъ, шла по кругу впередъ, подходила къ своей послѣдней точкѣ.

И ударилъ часовой колоколъ чугуннымъ языкомъ въ свое пѣвучее сердце, запѣлъ свою древнюю неизмѣнную пѣсню—ударилъ колоколъ свой часъ.

Не могли часы остановить положеннаго боя. Прокатились одинъ за другимъ десять ударовъ: девять, назначенныхъ Богомъ, и десятый Костинъ.

Ужасъ и плачь и хохотъ рвались изъ пѣвучаго колокольнаго сердца.

Луна, задымленная морознымъ облакомъ, нагая луна, катилась по небу, а замолкавшіе звонъ, подымаясь съ земли, лѣзли, дымились, покрывали собою лунное тѣло.

И стало на землѣ тихо до жути.

Вдругъ дикій крикъ пробилъ жуткую тишину. Костя пѣлъ. Костя Клочковъ, знающій, какъ перевернуть міръ, всемогущій Костя, въ рукѣ котораго само время.

И, допѣвъ свою гордую пѣсню, Костя плюнулъ внизъ на копошившійся, обманутый имъ городъ.

Городъ, жившій по Соборнымъ часамъ, встрепенулся.

На каланчѣ пожарный, закутанный въ овчину, въ своей

ужасной мѣдной каскѣ вдругъ остановился и сталъ искать пожара, но зарево надъ колокольнею погасло, и снова зашагалъ пожарный вокругъ черныхъ сигнальныхъ шаровъ и звенящихъ проволокъ. Отходящіе поѣзда, съ запозданіемъ на часъ, спѣша, нагоняли ходъ, свистѣли безнадежно. Подгоняли, лупили кнутомъ извозчики своихъ голодныхъ лысыхъ клячъ, сами подъ кулакомъ отъ перепуганныхъ, торопящихся не опоздать, на часъ опоздавшихъ сѣдоковъ. Согнутый въ дугу телеграфистъ бойчѣе затанцовалъ измозолившимся пальцемъ по клавишамъ аппарата: перевирая телеграммы, сыпалъ ерунду и небылицу. Непроспавшіяся барышни изъ веселаго Новаго Свѣта, въ ожиданіи гостей размазывали бѣлила по рябоватымъ синимъ щекамъ и нестираемымъ язвамъ на измятой, захватанной груди. Нотариусъ, довольный часу, закрывая контору, складывалъ въ портфель груды просроченныхъ векселей къ протесту. И кладбищенскій сторожъ съ заступомъ подъ полой шель могилы копать для завтрашнихъ покойниковъ. Сторожева свинья подхрюкивала хозяину. Пивникъ откупоривалъ по слѣднія бутылки. И запирали казенную лавку. Бѣда и горе и всѣ ихъ сестры переступали городскую заставу, разбредались по городу, входили въ дома обреченныхъ. И отмѣченная душа заволновалась. Глядя безумными глазами куда-то на задымленную, хмельную отъ облачнаго дыма полную луну, обрадованнѣе заголосилъ юродивый Маркуша-Наполеонъ свою ночную молитву. „Господи просвѣти насъ свѣтомъ твоимъ солнечнымъ, луннымъ и звѣзднымъ“

Неторопясь и медленно, Костя спустился съ колокольни, заперъ колокольню и заковылялъ домой.

Не было у него на душѣ страха, не было боли, и лишь фыркалъ неусмирившійся хохотъ:

— Переставилъ на десять, десять пробило, хо, хо! Захочу, полночь сдѣлаю—чортъ мнѣ не братъ, хо, хо! Приду домой, чаю напьюсь: я больше всего чай люблю.

И на минуту погрузился Костя въ ту тьму и бездумье, откуда не выходитъ ни единого голоса. Гордостью переполнялось сердце.

Глава третья.

Маленькая сгорбленная Костина фигурка въ башлыкѣ зайцемъ мирно проковылявъ по рѣкѣ, выюркнула изъ сугробовъ.

Костя приостановился у губернаторскаго дома, заглянулъ въ ворота, помѣшкалъ и пошелъ себѣ дальше.

Что думалъ Костя? Чего хотѣлъ? Бездумье понемногу разсѣивалось, окликали его мысли случайными голосами, придерживали и отпускали: онъ шелъ, потому что кто-то подгонялъ его итти, онъ сворачивалъ, потому что кто-то направлялъ его на повороты, онъ останавливался, потому что удерживала его чья-то рука.

Дворники на ночь запирали ворота. По дворамъ выпускали злыхъ собакъ. На улицахъ ужъ появились ночные бездомные люди, воровато шныряли, притаивались у заборовъ, въ заборныхъ пролѣтахъ, дрожали и прыгали отъ холода.

„Зайти къ моей прелести ! вдругъ осклабился Костя и прибавилъ шагу. И ужъ шелъ съ одной нераздѣльной мыслью: зайти къ своей прелести.

У галантерейнаго магазина Лисицыныхъ Костя туркнулся въ окно и, фыркнувъ отъ удовольствія, веселымъ снѣжкомъ влетѣлъ въ магазинъ.

— Здравствуйте, какъ поживаете?—Костя протянулъ руку и ловилъ маленькую ручку Лидочки.

Лидочка—хозяйская дочка, поводя сахарно-выточеннымъ фарфоровымъ носикомъ, не отвѣчала ни слова.

— Что, Костя, жарко?—подвернулся приказчикъ, бѣло-

брысый малый съ лысѣющимъ капулькомъ, по прозвищу Мудрая головка.

— Подите сами, жарко!—не опуская протянутой руки, смѣрилъ свысока Мудрую головку.

— А я себѣ думаю,—приставалъ приказчикъ,—что это у тебя, Костя, носикъ припекло?

— А у васъ волосы выскочили! Мудрая головка!

Задѣтый приказчикъ гадко хихикнулъ:

— Пойди-ка лучше погуляй, Костя, по тебѣ мы больно соскучились!

Костя тыкался у прилавка, бормоталъ что-то подъ носъ, не опускалъ руку и не хотѣлъ уходить.

Насупившійся приказчикъ свертывалъ коробки, Лидочка считала кассу.

— Будьте здоровы!—Костя срыву растегнулъ пальто и, стукнувъ дверь, шатаясь, какъ пьяный, вышелъ отъ Лисицныхъ и, не застегиваясь, перешелъ на другую сторону, къ своему магазину.

Клочковскій магазинъ запирали.

Черезъ наложенныя на окна рѣшетки виднѣлась безъ абажура жестяная лампа—безсонная ночная сторожиха. Стояла лампа подъ разинутой металлическою пастью огромнаго граммофона, замерѣвшаго въ зѣвотѣ. А вокругъ по стѣнамъ, засыпая, часы ходили, такіе разные и такіе чудные: одни, словно передернутые судорогою, другіе съ кислою улыбкой, третьи обиженные, и горькіе, и насмѣхающіеся. И тускнѣли въ своемъ забытьѣ всевозможныя золотыя вещицы и драгоценныя бездѣлушки: однѣ довольныя, что не попали въ руки покупателя, другія, напротивъ, обозленныя, что не дождались покупателя, третьи равнодушныя, и самодовольныя, и подмигивающія себѣ-на-умѣ. И проникала вещи какая-то неприглядность и скука, напоминая о томъ непремѣнномъ концѣ, который въ свой часъ всякому придетъ и не спросить.

За дверями на улицѣ стояла суетня.

Навѣшивали ставни на двери, замыкали петли и гремѣли ключами.

Магазинъ былъ въ сборѣ. И мастеръ Семень Митрофановичъ, одутловатый съ маленькими безцвѣтными глазками, весь какой-то провяленный и рыхлый, слишкомъ широкой отъ шубы въ накидку, и Мотя—братъ хозяйки Христины Михайловны, глуховатый приказчикъ съ чуточными смѣхотворными усиками, и Рая—старшая сестра Кости, нечистоблѣдная, вертлявая барышня, и мальчишка Иванъ Трофимычъ съ недѣтски серьезнымъ личикомъ безъ всякаго намека на ростъ, прихлопнутый истертой шапченкой подъ барашекъ, и сама хозяйка, первая красавица въ городѣ, Христина Михайловна Клочкова, и вислоухій песъ Купонъ. И только не было хозяина, Сергѣя Андреевича Клочкова.

— Позвольте васъ спросить,—остановилъ мастеръ хозяйку,—Сергѣй Андреевичъ будутъ завтрашній день?

— Что вамъ угодно?—Христина взглянула на него, смѣрилась и, круто повернувшись, пошла.

Костя, всѣмъ мѣшавшій и всѣми отгоняемый, загоготалъ, и, схвативъ мастера за пустой рукавъ, и, захлебываясь, перебивая себя, пустился рассказывать о своемъ свиданіи съ Лидочкой Лисицыной, и какъ поддѣлъ онъ Мудрую головку, и какъ Лидочка глазки ему сдѣлала.

— Братецъ-то твой, Сергѣй Андреевичъ, знать тю-тю,—перебилъ Костю мастеръ.

— А какіе хорошіе глазки у Лидочки!

— Нынче все вотъ такъ, въ трубу проскочить думаютъ, а платить не охочи, не люди, а шкамарда.

— Знаете, Семень Митрофановичъ, у меня интересная особенность: когда я вхожу—здоровуюсь, а когда ухожу, не подаю руку.

— Стрекача-то братъ, дашь, а сцапаютъ—насидишься въ одиночномъ заключеніи!—продолжалъ свое мастеръ.

— Какъ въ одиночномъ?

— А такъ, очень просто, и за то, что въ трубу проскочилъ, за эту самую несостоятельность, и за то, что отъ платежей увильнулъ, за скрѣтѣ мошенническое, словятъ голубчика и засадятъ въ тюрьму: изволь ка тамъ крысамъ хвосты лизать да считать тараканьи шкурки.

— Считать тараканьи шкурки?—переспросилъ Костя, и тревога охватила его душу, онъ выпустилъ рукавъ мастера, да во всю прыть пустился за Христиной.

Поролъ Костя горячку, а Христина далеко: плыветъ по улицѣ, не остановится. И стукнулся больно о тумбу, поднялся и опять зажарилъ во всѣ лопатки.

— Христина! Христина! Христина!—надсаживался Костя во всю глотку.

Христина, наконецъ, оглянулась.

— Гдѣ Сережа?—кричалъ Костя.

Но отвѣта не было.

— Гдѣ Сережа?—забѣленился Костя.

— Не твое дѣло, молчи, идиотъ!—обрѣзала Христина.

Костя окрысился, засопѣлъ. Злой шмыгалъ онъ сзади, держалъ встревоженную Христину, будто на веревочкѣ. И, казалось, оплеталась эта веревочка вокругъ ея сердца и съ каждымъ шагомъ узелокъ затягивался, и высвободиться не было силъ.

— Худо живется,—забормоталъ Костя,—лягу спать, не спится, залѣзнякъ ходитъ.

— Ты бы лучше разстегнутый не шлялся и читать тебѣ вредно, понимаешь?

— Самъ съ собою разговариваю, и все пробуждаетъ. А какъ правильнѣе: пробуждаетъ или разбуждаетъ?

— Достукаешься ты, что съ тобой тогда дѣлать!—Христина одно въ мысляхъ держала: когда, наконецъ, идиотъ отвяжется, такъ отвратителенъ былъ ей Костя.

— А угадайте, кого я сегодня встрѣтилъ?

Христина повела плечами.

— Господина Нелидова! — отчеканилъ Костя, — заходилъ я въ аптеку за роскошной мазью, вхожу я въ аптеку, а Нелидовъ тамъ.

Услышавъ о Нелидовѣ, Христина остановилась. Она вспомнила о пріятелѣ своего мужа и ей захотѣлось видѣть этого человѣка теперь же, немедля: онъ — единственный человѣкъ, который сумѣетъ сдѣлать что-нибудь и спасетъ ихъ.

— Большое, говоритъ, случилось несчастье, — продолжалъ Костя.

— Что?

— Большое, говоритъ, случилось несчастье... А гдѣ Сережа?

Но Христина рванулась и, не оборачиваясь, пошла ходко, все бѣстрѣе и бѣстрѣе.

— Хо-хо! — пустилъ ей Костя вдогонку.

Шелъ Костя важно, ему вдругъ весело стало, что напугалъ Христину, и онъ удивлялся себѣ — своей силѣ. А захочетъ онъ и всѣ его забоятся, ходить за нимъ будутъ, просить его милости, а онъ всѣхъ въ одиночное запрячетъ: пускай крысамъ хвосты лижутъ и считаютъ тараканьи шкурки. Онъ вынулъ ключи изъ кармана и держалъ ихъ въ рукѣ, какъ скипетръ, и кланялся кому-то и улыбался кому-то, онъ — Костя Клочковъ, завладѣетъ и самимъ в р е м е н е мъ.

Такъ подошелъ Костя къ дому, перелѣзъ черезъ заборъ въ палисадникъ и тихонько пробрался къ окошку.

У окна за столомъ сидѣла младшая его сестра, гимназистка Катя и, сжимая виски, долбила уроки.

Костѣ пришло на умъ отпалить штуку: онъ стукнулъ къ Катѣ и спрятался. Катя на стукъ забеспокоилась. А онъ опять къ окну: состроивъ страшную рожу, приплюснулся лицомъ къ стеклу. Вскочила перепуганная Катя, замахала руками.

— Хо-хо!—фыркнулъ Костя и, гордый, направился въ домъ.

Да, захочетъ Костя и всѣ его заботятся. Ходить за нимъ будутъ, просить его милости, а онъ всѣхъ въ одиночное запрячетъ: пускай крысамъ хвосты лижутъ и считаютъ тараканьи шкурки.

Глава четвертая.

Фрося, Ключковская горничная, подоткнутая, со взбитою прической, какъ у Раи, отбивалась отъ Кости.

Но Костя и не думалъ отпускать Фросю: звѣрски закусивъ свою дрожащую губу и стараясь сграбастать подъ себя Фросю, онъ крѣпко впивался въ нее.

— Да отступись ты, идиотъ носатый, и такъ изъ-за васъ житья нѣтъ! — дергала Фрося руками, щипала неснущую пьявку и, наконецъ, изловчившись, саданула Костю въ зубы, и со всего размаху бацнула его объ полъ.

Поднялся Костя,—ему не впервой, онъ и не такъ еще нарывался!—обдернулся и, страшно сопя, пошелъ наверхъ въ столовую.

— Сволочь, сволочь кривая!—сопѣлъ Костя.

Въ столовой за самоваромъ сидѣла одна Христина. Еще горячій потухалъ самоваръ: что-то ходило въ немъ и постукивало, какъ постукиваетъ въ поѣздѣ ночью, когда не спится.

Христина молча поставила передъ Костей кружку съ чаемъ и положила кусокъ хлѣба.

Костя отхлебнулъ глотокъ и, засунувъ въ ротъ мякишъ, и раздувая скулы, принялся уписывать. Уписывая, крошилъ, и чавкалъ.

А Христина, казалось, и не слышала съѣдобной Кости-

ной музыки,—ее замыкаль тѣсный кругъ, изъ котораго она не могла ужъ выйти.

Сегодня уѣхалъ ея мужъ Сергѣй—Сергѣй Андреевичъ Ключковъ, и не могъ не уѣхать, тутъ ему некуда было дѣваться и нечего дѣлать: ключковскія дѣла пошатнулись, платить нечѣмъ и достать негдѣ, никто ужъ не дастъ. И онъ уѣхалъ и не вернется, пока не найдутся средства поправить развалившееся дѣло.

Вся охваченная этой одной мыслью, что Сергѣй не вернется и, можетъ быть, никогда ужъ не вернется, Христина шагъ за шагомъ вспомнила все совершившееся за день съ той минуты, когда неизбежность стала прямо передъ глазами и закрыла всякій путь и уничтожила послѣднюю человѣческую лазейку—вѣру, что произойдетъ что-то и поставитъ все на прежнее мѣсто, произойдетъ чудо.

Мыслью гналась она за Сергѣемъ. Вспомнила она, какъ они попрощались, какъ прозвонилъ третій звонокъ и какъ тронулся поѣздъ. И, все представивъ съ самаго начала до послѣдней минуты, вдругъ вспоминаетъ она одинъ торжественный молебенъ по случаю отправленія солдатъ на войну, когда какой-то запасной солдатъ на возгласъ священника о путешествующихъ, страждующихъ, плѣненныхъ, выскочилъ изъ фронта, вырвалъ ребенка изъ рукъ жены и задушилъ его. И, вспомнивъ этотъ торжественный молебенъ, вертитъ она головою.

А въ головѣ вертится одна и та же мысль, что Сергѣй не вернется и, можетъ быть, никогда ужъ не вернется.

Мыслью гналась она за Сергѣемъ. Вотъ догоняетъ она поѣздъ. Она въ одномъ вагонѣ съ нимъ, они сидятъ рядомъ, но онъ не видитъ ея, нѣтъ, онъ видитъ, только не смѣетъ глазъ поднять. Эта неизбежность, закрывающая всякій путь и уничтожающая послѣднюю человѣческую лазейку—вѣру, что произойдетъ что-то и поставитъ все на прежнее мѣсто,

произойдетъ чудо, эта неизбежность не даетъ ему поднять глазъ. И снова, все представивъ съ самаго начала до послѣдней минуты, мысль перескакиваетъ она къ сегодняшнему утру, когда они сидѣли одни вотъ тутъ, въ столовой, и все ужъ было кончено и не было вѣры ни въ какое чудо.

И вспомнивъ это послѣднее утро, вертитъ она головою.

Да какъ же она забыла тогда о Нелидовѣ? Вѣдь, Нелидовъ другъ и пріятель Сергѣя, онъ спасъ бы ихъ! Вѣдь, Нелидовъ такой человѣкъ, онъ нашель бы средство, онъ спасъ бы ихъ!

А въ головѣ все вертится и вертится одна и та же мысль, что ужъ поздно, и Нелидовъ не поможетъ, не вернется Сергѣй и, можетъ быть, никогда ужъ не вернется.

И ей представилось ясно: сонный вагонъ, въ которомъ ѣдетъ Сергѣй. Сергѣй не спитъ, но на минуту онъ забылся и вдругъ схватило,—екнуло его сердце, вернуться! И онъ встаетъ, смотритъ въ окно, а поѣздъ мчится—поѣзду нѣтъ до него дѣла, а кругомъ одна бѣлая равнина—равнинѣ тоже нѣтъ до него дѣла. А кому же есть дѣло? Да есть же кто-нибудь, кому-нибудь есть до тебя дѣло! И онъ не знаетъ, что ему дѣлать. Мчится поѣздъ, спитъ вагонъ, спитъ бѣлая равнина.

— Ха!—захлебнулся Костя чаемъ и чихнулъ себѣ въ кружку.

Христина очнулась и совсѣмъ неожиданная мысль ударила ей въ голову: „Да вѣдь они родные братья,—Сергѣй и Костя!“ И, вспомнивъ, какъ сегодня вечеромъ она на минуту обманулась, принявъ Костю за Сергѣя, не могла ужъ простить себѣ этого самообмана и въ то же время продолжала думать: „Вотъ у нихъ и уши одинаковыя и что-то еще.“ Думала и морщилась отъ гадливости.

А кругъ тѣхъ неизбежныхъ ея мыслей, словно бы

мстя ей за минуту раздумья, рѣзко замкнулся. И ужъ она хотѣла бы вскочить и кричать на весь домъ, выбѣжать на удицу и кричать на всю улицу, стать на площади и кричать на весь городъ, на весь свѣтъ и убить въ своемъ крикѣ тоску и негодованіе свое и отчаяніе свое: она вѣдь не знаетъ, за что это ей, и за что она должна мучиться.

А въ отвѣтъ ей, словно на смѣхъ, клокотанье кашля вдругъ напомнило комнату, оно росло, прорѣзалось сипѣньемъ, тянулось хрипомъ, и опять перекатывалось.

И было такъ, будто тутъ подъ самымъ ея ухомъ кто-то нарочно скребеть тупымъ ножомъ по стеклу. И не зажать ей ушей, некуда ей уйти.

Шмыгая туфлями и запахивая засаленный коричневый халатъ, подползъ къ столу согнувшійся, изможденный старикъ, самъ Ключковъ, Андрей Петровичъ. Молча дрожащею рукою старикъ подвинулъ стулъ. Но только-что усѣлся и видимо, успокоился, снова его схватила боль: судорожно распахнувъ халатъ, старикъ судорожно впился костлявыми руками въ волосатую грудь и захрипѣлъ. И долго еще клокотало что-то въ волосатой груди неудержимое и остановить чего нѣтъ человѣческихъ силъ.

— Сережа уѣхалъ? — спросилъ старикъ, отдышавшись.

— Вы знаете, — отвѣтила сухо Христина Федоровна, не глядя на старика, и прокляла его въ своемъ сердцѣ.

„Да, онъ лгунъ и притворщикъ и развратникъ, — проклинала она старика въ своемъ сердцѣ, — да, онъ лжетъ, притворяется, хочетъ, чтобы оставили его въ покоѣ, не надѣдали ему, не просили его, а вѣдь у него есть деньги, она это знаетъ! и онъ не хочетъ дать денегъ, не хочетъ сына изъ бѣды выручить, проклятый лгунъ, и притворщикъ, и развратникъ!“

И, проклиная, невольно цѣплялась за всѣ тѣ униженія, за всѣ тѣ упреки, какіе въ злобѣ, въ ожесточеніи и въ отчаяніи рождаются у человѣка противъ человѣка.

Старикъ видѣлся ей полураздѣтый, грязный, источенный сухоткою, его беззубый слюнявый ротъ, вытаращенные мутные глаза, и эти трясущіяся руки... Нюша, кухарка, засучивъ себѣ рукава, натираетъ ему грудь, а онъ водить руками по ея рукамъ, и безсильный, сопить, какъ Костя. И вѣчные горчичники, отъ которыхъ гдѣ-то въ сердцѣ жжетъ.

„У! Жену ты свою отравилъ, проклятый, поганый, ты всѣхъ дѣтей отравилъ, и этого идиота на свѣтъ вывелъ, а самъ какъ собака на сѣнѣ!“—вырывалась у ней ненависть и злоба: зачѣмъ онъ денегъ не далъ и не спасъ ихъ.

Подслушалъ-ли старикъ тайныя мысли невѣстки, или ужъ такое время пришло, старикъ виновато заморгалъ глазами и, видимо, потерявъ всякую надежду, что дадутъ ему хлѣба, самъ потянулся къ сухарницѣ, но достать куска никакъ не могъ.

Догадался Костя, полѣзъ черезъ весь столъ и, потянувъ скатерть, задѣлъ рукавомъ полный стаканъ чаю. Стаканъ перевернулся, покатился и бацнулся объ полъ, какъ давеча бацнулся самъ Костя подъ кулакомъ Фроси.

Христина вскинула руки, странно повела глазами и, бросивъ ключи, пошла изъ комнаты.

— Опять наворзалъ,—ворчалъ, вытираясь Костя,—а ну ихъ къ Богу!

Когда затихли шаги невѣстки, старикъ закрылъ глаза и, обождавъ еще минуту, приподнялся со стула и, робко озираясь, запустилъ всю пятерню въ коробку съ шоколадомъ. И, взявъ себѣ горстку на ладонь, принялся глотать шоколадъ безъ отдышки и алчно, какъ глотаетъ голодная птица. Давно старикъ забралъ себѣ въ голову, будто онъ какой-то самоглотъ: съѣсть можетъ сладостей, сколько влѣзетъ. Да и наверстать ему надо: давно ужъ не лакомился!

Наѣвшись вдосталь, пока не замутило, старикъ опять согнулся и, отхлебывая сиротливо пустой, невкусный и

какой-то противный чай, горько задумался о своей старческой собачьей жизни.

Передалъ онъ сыну Сергѣю магазинъ и много далъ денегъ на первое обзаведеніе,—прахомъ пошло! А сколько имъ было труда положено, мытарствъ всякихъ пройдено, вѣдь сколачивалъ копѣйку, ночей не досыпалъ, гнулъ спину: во всемъ себѣ отказывалъ,—прахомъ пошло! И въ благодарность съ нимъ, какъ съ собакою, обращаются, да, какъ съ собакою! И теперь хотятъ, чтобы онъ имъ денегъ далъ. Какихъ еще денегъ? У него нѣтъ никакихъ денегъ! По совѣсти, по правдѣ нѣтъ у него и ломаннаго гроша за душою. А будь у него деньги, все равно онъ не далъ бы, ни копѣйки больше не далъ бы Сергѣю. Для чего Сергѣю деньги? Такъ по вѣтру пустить? Нѣтъ ужъ, шалишь! Деньги даются не для того, чтобы ихъ по вѣтру пускать, деньги—для дѣла. Правда, онъ могъ бы достать для Сергѣя немного, столько, чтобы спасти Сергѣя, да не хочетъ онъ, а не хочетъ потому, что обращаются съ нимъ какъ съ собакою, да, какъ съ собакою, хотятъ его въ гробъ вколотить, а онъ и безъ того на краю гроба!

„Могу и не хочу, досталъ бы денегъ, да не достану! — повторялъ себѣ старикъ и эта мысль о какой-то своей власти обогрѣла его старое, изморенное застарѣлою болѣзнью тѣло.

— Костя,—позвалъ старикъ ласково,—ты сегодняшнюю газету читалъ!

— Не читаю я газетъ, папаша, не такой я человѣкъ!— Костя ковырялъ распутившійся утромъ цвѣтокъ, отколу-пывалъ лепестки, полагая, что оттого попышнѣе цвѣтокъ сдѣлается.

— Ишь ты!—подмигнулъ старикъ,—философъ!

— О животныхъ, папаша, — Костя продолжалъ свое дѣло,—рѣчи адвокатовъ, о дикихъ народахъ, вообще что-нибудь философское, это моя страсть, потому что природа,

дѣйствительно, есть все. Путешествія, зарожденіе милліоновъ существъ всякихъ и отчего они происходятъ и къ чему и какая ихъ должность и назначеніе,—ѣсть не стану, читать буду. О войнѣ же не моя страсть, это страсть маленькихъ дѣтей.

— Ты, Костя, глупый, чушь мелешь, съѣдятъ тебя мухи съ комарами!—старикъ подвинулъ сардинки и, вытаскивая пальцами рыбку за рыбкой, сталъ уписывать.

— А хотѣлъ я васъ спросить, папаша,—задумался Костя,—есть ли такая книга, гдѣ бы все было написано, чтобы вся жизнь тамъ была написана: какъ жить и какъ управлять жизнью?

— Была одна да сплыла,—старикъ покачивалъ головою, чавкалъ и мазался масломъ,—а называлась эта книга Г о л у б и н а я...

— Голубиная...—протянулъ Костя, — голубиная!

— Курамъ на смѣхъ!—чуть было не подавился старикъ, текло масло по бородѣ на халатъ.

— И зачѣмъ жить, коли помру, а непременно помру, и никакого удовольствія отъ жизни нѣтъ, такъ зря живу,—Костя бросилъ свой цвѣтокъ, подошелъ къ столу и устался на отца,—хочется мнѣ, папаша, на трубѣ учиться, а учитель Кати говоритъ, что я слабый, нельзя мнѣ на трубѣ учиться. Ну туда мнѣ и дорога! Хочется мнѣ, папаша, тайкомъ выучиться, чтобы никто не зналъ.

Старикъ вдругъ скорчился: показалось старику съ его больной головы, будто изъ его чашки коровьи ноги торчатъ.

— Костя, ты ничего не видишь?—спросилъ старикъ перекошеннымъ ртомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Костя вылупилъ глаза:

— Гдѣ, папаша?

— Да подойди ты поближе, дубина стоеросовая!

Но ужъ кашель сдавилъ больную грудь старика, ка-

шель, заклокотавъ въ груди, прогналъ изъ чашки кровъ и ноги. Поднялся старикъ и, судорожно запахивая халатъ, направился къ дивану. Улегся на диванъ, закрылъ глаза.

— И зачѣмъ жить, коли помру!—протяжно застонало въ старикѣ, не смотря старикъ, все еще боялся кровъ ихъ ногъ, и вспоминалась ему молодость, здоровье, жена покойница, вспоминалось, какъ такое далекое и невозвратное, повѣрить трудно, что было оно и не во снѣ было, а на самомъ дѣлѣ.

Приподнялся старикъ на диванѣ, разинулъ ротъ. И сидѣлъ такъ съ единой ноющей болью, вспоминая далекое прошлое, съ единой ноющей болью, вспоминая невозвратное прошлое.

Костя постоялъ у окна, обвелъ глазами морозную даль и луну, обошелъ всѣ углы и, блѣдный, какъ луна, сталъ спускаться внизъ.

— Худо живется, — бормоталъ Костя, — на боковую пора.

Скрылся Костя. Пришла въ столовую Рая и приказчикъ Мотя, братъ Христины, перекинулись другъ съ другомъ какими-то только имъ однимъ понятными полусловами на тарабарскомъ влюбленномъ языкѣ, наскоро выпили чаю и тоже ушли.

Пришла гимназистка Катя, задумчивая и утомленная, отщипнула себѣ хлѣба, подошла къ зеркалу, посмотрѣлась такъ, будто кто-то смотря на нее, и запечалилась. Прошла по комнатѣ, открыла пианино, но, замѣтивъ отца, тихо опустила крышку, и поспѣшно вышла.

Пришла горничная Фрося, сильными руками быстро перемыла посуду, поставила посуду въ буфетъ, опустила въ карманъ горсть хозяйскаго сахару и, схвативъ самоваръ, какъ перышко, понесла въ кухню.

Прибѣжалъ песъ Купонъ, понюхалъ старика, посмо-

трѣль въ окно на луну, свернулся у дивана у ногъ стараго хозяина и заснулъ.

Сидѣль старикъ съ разинутымъ ртомъ, не двигался.

И ужъ казалось старику, что въ больной головѣ у него завелись тараканы, и была голова его полна тараканьихъ яицъ такъ, что пѣрло. И съ ужасомъ чувствовалъ онъ, что изъ глазъ его ужъ высовываются тараканьи усы, чувствовалъ онъ запахъ тараканьихъ яицъ и сидѣль съ разинутымъ ртомъ, не двигался.

Былъ старикъ похожъ на то страшное въ жизни чело-вѣческой—на неизбежное, оно вотъ также стережетъ на порогѣ всякое жильё, оно сидитъ подъ дверьми обреченныхъ домовъ, и, подслушавъ счастливое слово, открываетъ чуть видную щелку для глухой неизбежной бѣды.

Выскочила изъ часовъ кукушка, торопливо прокуку-кавъ, спряталась въ своемъ домикѣ.

Шло время, откалывали часы мигъ за мигомъ въ пучину безъ возврата, повторяя одно и то же, все одно и то же, какъ вчера, такъ и сегодня.

Глава пятая.

Христина, оставшись одна, попробовала было прилечь: раздѣлась и легла. Нѣтъ, она не могла заснуть. Встала, зажгла свѣчку, присѣла на неразобранную пустую кровать мужа. И все-то припомнилось ей съ перваго дня ихъ свадьбы—каждый прожитый день. И кругъ измытарившихъ ея мыслей снова замкнулся.

Казалось, чьи-то руки сжимались вокругъ ея шеи все крѣпче и туже, до того туго—нечѣмъ дышать стало.

Задохнулась Христина, вскочила и принялась ходить.

Отъ нагаравшей мигающей свѣчи плыли въ глазахъ ея какіе-то красные кружечки, а въ кружечкахъ прыгали

словно гутаперчевые мальчики — любимыя игрушки Ири-
нушки.

Метнулась Христина къ кроваткѣ: въ кроваткѣ, раскинув-
шись, тихо спала Иринушка, оттопыривала губки.

— Дѣвочка моя, ненаглядочка моя, курносенькая,
спишь ты, ты не знаешь. А что будетъ съ нами, чего намъ
ждать?—и вдругъ выпрямилась,—нѣтъ, я хочу жить, я буду
жить, вотъ такъ!—стиснула руки,—я возьму, я вырвусь
изъ этихъ проклятыхъ тисковъ, а будутъ душить, у меня
хватить духа, а будутъ унижать, не отдамъ себя. Я молода
еще, у меня достанетъ силъ!—и, улыбаясь горько, подумала:
«еще и дня не прошло безъ Сергѣя, завтра будетъ день,
потомъ другой, потомъ третій, десятый, мѣсяць, годъ, еще
годъ“...

А за стѣною, у старика, поднялось клокотанье кашля,
перекатывалось оно, шумѣло хрипомъ и свистомъ: старикъ
задыхался.

И было такъ, будто тутъ подъ самымъ ея ухомъ кто-то
нарочно скоблить ногтемъ бумагу, да похрустываетъ паль-
цами. И не зажать ей ушей, негдѣ схорониться.

Она сжимала виски,—разгорались ея сухіе глаза, она
хваталась за сердце. А кружащая мысль сверлила ей мозгъ,
сверля, добиралась до какой-то тайной жилки и, найдя эту
тайную жилку, разсѣкла.

Стала она на колѣни.

— Господи, прости меня, я не могу больше, я убью
старика. Господи, прости меня!

И крѣпко молясь—прося простить ее за то, что не
можетъ она больше терпѣть, молилась она за Сергѣя, за
Иринушку, за себя, и ужъ сама не знала, чего просить и
о чемъ молится.

Долго стояла она на колѣняхъ, забыла, что молится. Нако-
нецъ, поднялась и шаталась по комнатѣ, обезсиленная оста-
навливалась, передвигала безцѣльно вещи на столѣ, сосре-

дотоchenно безсмысленно переставляла книги и бездѣлушки, прислушивалась, смотрѣла въ окно въ лунную ночь на луну.

За окномъ искрился зеленоватый снѣгъ. Искрился распущенный во всѣ концы большой морозный дымъ. И замелькали мысли искрами.

„Большое случилось несчастье.—Кто это сказалъ?—Костя.—Нѣтъ не Костя—А кто же?—Нелидовъ“.

И вспомнивъ о Нелидовѣ, Христина покраснѣла отъ нахлынувшихъ думъ: вѣдь Нелидовъ другъ и пріятель Сергѣя, онъ спасетъ ее. Вѣдь Нелидовъ такой человѣкъ, онъ найдетъ средства для нея, онъ спасетъ ее!

И ужъ представляя себѣ, какъ, благодаря Нелидову, все станетъ на прежнее мѣсто, все поправится и пойдетъ своимъ чередомъ, она ворковала охмелѣвшими губами. Воркуя, просила. Прося, желала. Улыбалась, тоскуя. И горѣла въ тоскѣ.

— Иринushка, дитяточка моя, маленькая, курносенькая!—припала она къ кроваткѣ, цѣловала свою крошку, и высоко отъ рыданія подымалась ея грудь, какъ отъ великой, непомѣрной радости.

Таяла овѣча, питала пламя, пылала. Пылала свѣча ярко-радужно, какъ восковая, вѣнчальная. И золотой маленькій маятникъ старинныхъ часиковъ бѣгалъ—дрожалъ, какъ живчикъ, весеннею дрожью.

Въ дѣтской, внизу, спала, Рая и, животно пугаясь, грузно переворачивалась и раскидывалась подъ спирающей дыханіе непонятной тяжестью. Тяжесть, накатывая и рассыпаясь пріятно щекочущей дрожью, держала ее въ оцѣпенѣніи и опять отпускала. Снился Раѣ пустой домъ. Ходить будто она по запутаннымъ коридорамъ. Прошла она всѣ коридоры и возвратилась къ двери, и тамъ у двери заби-

лась въ темный чуланъ и, сидя въ чуланѣ, погрузилась въ тѣ тайныя мечты дѣвушки, которая влюбляется во всякаго мужчину, къ которой уже прикоснулись.

А Катя ворочалась съ боку на бокъ, она не могла завести своихъ печальныхъ глазъ. У ней шелъ свой разговоръ.

Она любила своего брата Сергѣя и хорошо знала, не вернуться Сергѣю, и еще знала, неудача стережетъ ихъ домъ, а счастье такъ рѣдко, — пріотворить счастье дверь, выглянетъ и ужъ нѣтъ его, и слѣдъ простылъ. Только не знала она, всегда и вездѣ ли такъ, или только у нихъ, съ ними, въ ихъ домѣ.

„Если бы возможно было, — думала Катя, — начать жизнь сызнава, если бы возможно было стать маленькой, какъ Иринушка, и мечтать, что вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ поступишь въ гимназію и у тебя будетъ темно-зеленое платье съ чернымъ передникомъ, а пройдетъ еще много — много, и тогда объѣхать весь свѣтъ и все узнать... Если бы возможно было начать жизнь сызнава, она начала бы жизнь совсѣмъ не такъ“!

Раскрывались ея губы, просили—просила Катя вернуть то время, чтобы мечтать о темно-зеленомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ и думать, какъ Иринушка думаетъ, будто котята родятся отъ вѣтра: когда подымается вѣтеръ, — и плакать, какъ сама она плакала когда-то, что не умѣетъ доить игрушечнаго пѣтушка, и чтобы всѣ до одной пришли къ ней игрушки, всѣ матрѣшки и лисичка, и слоникъ, и лягушка.

За окномъ взрывался сухой трескъ съ деревянныхъ обледенѣлыхъ мостковъ тротуара. Кто-то хрустѣлъ снѣгомъ подъ самымъ окномъ. Кто-то пугалъ, какъ Костя приплюсываясь лицомъ къ холодному стеклу.

Неумолимо ходили на стѣнѣ старыя невзрачныя пыльные часы въ своемъ тяжеломъ стеклянномъ футлярѣ. И ти-

тикали маленькіе Катины черныя часики на тумбочкѣ у кровати.

Катя прислушивалась къ своимъ часикамъ, и ей казалось, она могла бы по чуть внятнымъ звукамъ, по чуть брезжущимъ часовымъ голоскамъ, она могла бы пробраться въ какую-то такую глубь, гдѣ все видно. Часики ее примутъ. Часики ее возьмутъ. Часики поведутъ ее въ свой часовой дворецъ, гдѣ все видно.

„Когда умирала мама—думала Катя—и кричала на весь домъ, цѣлую недѣлю и день и ночь кричала и всѣ знали: смерть вошла въ домъ и уйдетъ съ мамой. Уѣхалъ Сережа, и вчера еще объ этомъ никто не зналъ и не думалъ. А ужъ тамъ извѣстно было, тамъ все видно въ часовомъ дворцѣ“.

И вспомнилось Катѣ, какъ прошлымъ лѣтомъ, вѣдь это было такъ недавно, она жила съ Сергѣемъ въ курортѣ, и былъ тамъ одинъ студентъ Кузнецовъ и она влюбилась въ Кузнецова и повѣрила, будетъ любить его до самой до смерти.

Понималъ ли студентъ, какъ любить его Катя, кто его знаетъ? А Сергѣй все видѣлъ и зналъ и ни разу не обидѣлъ Катю, какъ обижала Рая—гадкая Рая, хитрячка, какъ обижалъ и дразнилъ Костя—гадкій Костя, глупышъ. И если бы ее спросилъ Сергѣй о студентѣ, она открыла бы ему все свое сердце. А ей такъ хотѣлось открыть свое сердце, сказать кому-нибудь о студентѣ, какъ влюбилась она и повѣрила, будетъ любить его до самой до смерти.

Теперь же Сергѣй ее не спроситъ, Сергѣй не вернется.

Она это хорошо знаетъ. И зная, она не можетъ этому вѣрить, она вѣритъ, что Сергѣй вернется и опять они поѣдутъ на курортъ и тамъ встрѣтитъ она Кузнецова.

Вѣра согрѣла Катино влюбленное сердце и залилось ея сердце первой дѣвичьей радостью первой любви. И казалось ей, часики ее приняли, часики ее взяли, часики по-

вели ее по чуть внятнымъ звукамъ, по чуть брезжущимъ голоскамъ въ свой часовой дворець, въ самую глубь его, гдѣ все видно.

Лунныя тучи шли за окномъ. Лунными тучами шли передъ Катей дни наступающей жизни и наливались луною.

За окномъ прокатился сухой трескъ съ деревянныхъ обледенѣлыхъ мостковъ тротуара, глухо разсѣкъ заиндевѣвшій воздухъ. Кто-то тихонько, какъ Костя, подкрался къ окошку, хрустнулъ снѣгомъ. Луна подошла къ окну, освѣтила комнату и свѣтъ ея проникъ въ вещи.

Заблестѣли Катины черныя часики.

Часики ти-тикали, заговаривали, часики баюкали, утивали расцвѣтающее первою любовью дѣвичье сердце.

Глава шестая.

Подгулявшая компанія шумно и очень нетвердо выломилась изъ веселаго Новаго Свѣта. Въ Новомъ Свѣтѣ тушили лампы, на угарный ночлегъ готовились. Музыкантъ свою дешевую музыку складывалъ, таперъ послѣднюю безнадежную ноту взялъ.

Поддерживая подъ руку осоловѣвшаго Мотю, мастеръ Семень Митрофановичъ, самъ, какъ стелька, пьяный, обернулся, послалъ воздушный поцѣлуй Новому Свѣту, и пріатели колесомъ двинулись внизъ по улицѣ.

Было свѣтло и ясно отъ прыщущаго зеленоватаго луннаго свѣта. Богатымъ жемчугомъ рядились деревья. Скрипѣли ихъ крѣпкія вѣтви подъ тяжестью бѣлыхъ драгоценностей. А гнилое жилье, черныя окна и продымленныя крыши украшались серебромъ, будто въ сказкѣ.

—Полюбила меня эта самая дама,—изливалъ мастеръ пріятелю свою разсолодѣвшую душу,—„Хочешь, говорить, Сеня,

денегъ? Все—мое, говоритъ, располагай, какъ знаешь“! Хорошо. Справилъ я на Троицу свѣтленькую пару мордоре, закатился въ паркъ. Вмѣстѣ и снялись. Три дюжины кабинетныхъ карточекъ. А у самого вертитъ въ головѣ: забудеть, злодѣйка. Нѣтъ, не забыла, письмо за письмомъ, души не чаеть. „Пріѣзжай, говоритъ, или я сама къ тебѣ нагряну“. И поѣду. Не омега я, невольникъ какой, водить себя за носъ не позволю, то же хозяйка, Христина Ключкова, какая она хозяйка,—плѣха! „Хочешь, говоритъ эта самая дама, хочешь тысячу!“ Хе! А подружка ея Плюгавка ту же канитель тянетъ, лѣзетъ нахрапомъ, ей Богу. „Сеня, говоритъ, если тебѣ наскучить въ этихъ странахъ и палестинахъ, опостылитъ или просто такъ...“—мастеръ остановился, сталъ рыться по карманамъ, выбрасывалъ какіе-то скрученные кусочки ненужной бумаги, а писемъ Плюгавки не оказалось,—чортъ, хряпка! — грозилъ въ горячахъ, и, бросивъ искать, махнулъ рукою,—„Сеня, говоритъ эта самая дама, бери меня, какъ мертваго...“

— Я самъ испыталъ жизнь,—выговорилъ съ большими усилями Мотя и спотыкнулся,—я самъ пріѣхалъ въ Петербургъ и въ ту же ночь схватилъ себѣ...

Мастеръ хихикнулъ.

— Заявился я къ доктору на слѣдующій день,—продолжалъ Мотя,—докторъ говоритъ...

— Ну и дуракъ.

— Докторъ говоритъ...

— Чего говоритъ, чортъ! У меня, братъ, этотъ твой самый насморкъ съ незапамятныхъ временъ длится, да я плюю на него, чортъ.

— Докторъ говоритъ: „Молодой человѣкъ, я самъ испыталъ жизнь...“

— Испыталъ!—передразнилъ мастеръ,—глухая ты те-
теря, мразь, чортъ!

Мотя обидѣлся. Намѣреваясь высвободиться изъ объятій мастера, выдернулъ онъ руку и шлепнулся.

— Сукинъ сынъ, сукинъ сынъ...—цѣдилъ Мотя сквозь зубы, но подняться не въ моготу было, поползъ.

Мастеръ оживился. Съ какой-то необыкновенною бережливостью поставилъ онъ Мотю на ноги, взялъ подъ руку и потащилъ. И, дотащивъ такъ вплотную къ забору, отпустилъ, зашелъ сзади, легонько взялъ Мотю за шиворотъ, промедлилъ минуту и нѣсколько разъ съ великимъ наслажде- ніемъ сталъ тыкать беззащитнаго пріятеля носомъ въ за- индевѣвшій заборъ.

— Тетеря, плѣшнякъ, чортъ!

Мотя не сопротивлялся, тыкался носомъ въ заборъ.

— Сукинъ сынъ, сукинъ сынъ...—цѣдилъ Мотя сквозь зубы.

А иней таялъ отъ Мотиного носа.

Да видно надоѣло мастеру, отступился онъ отъ Моти, вывелъ на заборѣ вензель своей дамы, и опять пошли пріятели мирно.

Шаландались ихъ тѣни въ лунномъ свѣтѣ. Шныряли тѣни собакой, кораблемъ плыли, тонули.

Мастеръ отмякъ и такъ заговорилъ, будто изъ рукава сыпалъ:

— Былъ у меня, братъ ты мой, одинъ знакомый поч- товый чиновникъ Волковъ, нравъ тихій, а страсть елдыр- никъ. И нарвись этотъ самый Волковъ не на твой дурацкій насморкъ, а почище, и миндальное молоко не поможетъ. Походилъ онъ съ нимъ малую толику, для поправленія же- нился,—говорять, хорошо жениться, помогаетъ. Пожилъ съ годъ съ женою, жена къ родителямъ укатила, а онъ, я тебѣ скажу, какую выкинулъ штуку, ей Богу... Придешь, бы- вало, да такъ этакъ: „Какъ моль, Волковъ, твоя собачка поживаетъ благовѣрная?“ А онъ себѣ смѣется. „Или, ска- жешь, тебѣ Волковъ не противно?“ Нѣтъ, говоритъ, такая

ужь у меня замашка. А въ концѣ концовъ пристрѣлилъ. И жену и собаку. „Будеть, говорить, насладился“.

— Я самъ испыталъ жизнь,—перебилъ Мотя.

Но мастеръ ничего не отвѣтилъ. Наткнулись на городского.

— Мы идемъ тихо и не безобразничаемъ. Да, а ты чего?—задралъ мастеръ городского.

Городовой спросонья схватился было за селедку, замахнулся, но, видимо раздумавъ, зашагалъ прочь.

— Нѣтъ, ты чего морду воротишь? Пера въ боку не носилъ? Уу!—Собачье!

— Сеня, я тебѣ чистымъ русскимъ языкомъ говорю, обожди, голубчикъ, пойдёмъ,—захлюпалъ Мотя, испугавшись скандала.

— Не хочу я, чтобъ ты со мной шель. Иди, куда хочешь... Скажите, пожалуйста, какое? Не позволю я, чтобъ мнѣ прикосновеніе дѣлали, дрянъ!

И долго еще мастеръ не могъ успокоиться и давно ужь прошли городского, давно ужь спалъ городской, а онъ все ершился, пырять то въ Мотю, то въ фонарь, то такъ въ пустышку.

Вдругъ заслабѣлъ.

— Свѣженькихъ яичекъ въ смятку. . „Хочешь, говорить, Сеня, тысячу яичекъ?“

— Я... я хочу въ смятку,—сопѣлъ Мотя въ сверхсильномъ бореніи и морщилъ глубокомысленно лобъ, словно ошибку въ счетахъ искалъ. Сами собою закрывались глаза. Зашибало смекалку. Такъ бы вотъ и лечь и заснуть, и спать бы, спать до скончанія вѣковъ.

— Тысячу яичекъ...—бормоталъ мастеръ.

Дотащившись до дому, пріятели пробрались въ сѣни и, норовя не топать, не сковырнуть чего, какъ нарочно стучали и все опрокидывали.

Морило мастера. Морило Мотю.

Взбуженный мальчишка, Иванъ Трофимычъ, ухватился разувать мастера.

— Иванъ, — куражился мастеръ, — крестись и цѣлуй меня въ пятку!

Мальчишка тупо вертѣлся вокругъ узкой штилеты, со сна не понимая ничего толкомъ.

— Иванъ, крестись и цѣлуй меня въ пятку! — повторилъ мастеръ.

И это не подѣйствовало на мальчишку. И только, когда волосатый кулакъ опустился на крохотное безшейное туловище, Иванъ Трофимычъ покорно нагнулся и, часто закрестившись, поцѣловалъ въ засосъ мозолистую, прѣлую пятку Семена Митрофановича.

Храпѣлъ Мотя. Храпѣлъ мастеръ.

Работали носы, что твоя машина.

На цыпочкахъ вышелъ Иванъ Трофимычъ и, прикурнувъ на сундукъ, въ темномъ коридорчикѣ, у чернаго хода, между приказничьей и кухней, началъ свой второй сонъ, началъ нехотя, невкусно, будто, претерпѣвъ часъ ѣды, брался за третьеводнишнія щи.

Но ужъ безъ этого не обойдешься, иначе жить нельзя, — такъ дѣлаютъ большіе и старшіе, такъ и онъ долженъ. Слушаться онъ долженъ, терпѣть. Не собака онъ, все съѣсть. А не съѣсть, надаютъ подзатыльниковъ, вытурятъ. А вытурятъ, куда онъ пойдетъ? Гдѣ приклонить голову? Слушаться онъ долженъ, терпѣть.

А придавленное сердце мальчишки мечтало подъ лохмотьями:

„Выйду я въ люди, куплю себѣ часы большущіе, сто пудовъ, съ цѣпочкою, съ серебряною... дамъ я тогда ужъ настоящаго!

А за стѣною навзничъ лежалъ Костя, страшный въ

лунномъ кругѣ, водянистый какой-то и каменный, и дрыгалъ по лягушачьи ногами.

Снился Костѣ сонъ, будто онъ вырвалъ себѣ всѣ зубы и оказалось, не зубы носилъ онъ во рту, а коробочку изъ-подъ спичекъ, да костяную прѣлую ручку отъ зубной щетки, и ноги будто у него не ноги, а окурки. Вотъ и лѣзетъ онъ будто на этихъ своихъ окуркахъ въ пасть трубы невиданно огромнаго граммофона. Трудно Костѣ карабкаться, труба у граммофона очень гладкая, и глаза рѣжетъ металлическій рѣзкій блескъ. А нельзя не взбираться. И соскакиваютъ руки и ужъ онъ назадъ катится, но упорно цѣпляется: подыметъ на шагъ, соскользнетъ, и опять лѣзетъ и лѣзетъ. Изъ силъ Костя выбился, да и труба сужается: жметъ, колетъ, сдираетъ ему кожу съ головы. И видитъ вдругъ Костя: передъ самымъ его носомъ дыра. Заглянулъ онъ въ дыру, а тамъ пропасть. И такъ ему страшно стало, будто по спинѣ снѣгомъ трутъ. Изогнулся Костя, надсадился, взмахнулъ рукой, зацѣпилъ за перекладину, но что-то схватило его, и проскочили ноги, не выдержала рука, и провалился онъ въ пропасть. А мастеръ Семень Митрофановичъ, будто подперъ бока, трясется отъ хохота.

— Одиночное, братъ, одиночное заключеніе.

На соборной колокольнѣ пробило три.

Прокатились одинъ за другими три раздумныхъ, три долгихъ удара, три положенныхъ древнихъ напѣва.

И было на землѣ смертельно тихо.

Замолкавшіе звоны, подымаясь съ земли, плыли и плыли, не могли найти своего луннаго крова.

Бездымная луна еле держалась.

— Чего балуешь, Костя! — окрикнулъ со сна старикъ соборный сторожъ и, заломивъ голову кверху, вдругъ со-

гнулся и зашагалъ угрюмо по своей полосѣ, вокругъ холодной, бѣлокаменной колокольни.

Высоко надъ домами на самомъ верхнемъ ярусѣ Соборной колокольни въ оконномъ пролетѣ, упираясь костлявыми ладонями о каменный подоконникъ и выгнувъ длинно по гусиному шею, хохоталъ кто-то, сморщивъ сѣрые, залитые слезами глаза, и сквозь хохотъ и слезы плевалъ внизъ на землю въ этой лунной ночи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава первая.

— Солнышко-ведрышко, выгляни!—повторялъ Нелидовъ, вспомнивъ дѣтскую пѣсню, такъ часто распѣваемую у Клочковыхъ и баловницей Иринушкой и Христиной, и самъ протянулъ руки входящимъ черезъ окно красно-золотистымъ лучамъ зимняго заката.

Прыгало его сердце отъ радости,—такою радостью просвѣчиваетъ тѣло ребенка и дышетъ каждое дѣтское слово.

— Солнышко-ведрышко, выгляни!—повторялъ Нелидовъ голосомъ Иринушки и чувствовалъ всю свою близость къ ней, къ ея дѣтскому наивному выкликанію солнца.

И это было то самое чувство, о которомъ, казалось ему, грезилъ онъ и выкликалъ, какъ солнце, и для себя и для другихъ всю свою жизнь среди гвалта безостановочной борьбы и мученій.

„Безоблачность глазъ, вздрагивающія отъ звонкаго хохота губки, маленькія дѣтскія милыя ручки, и тѣло нераздѣльное съ солнцемъ! Если не обратитесь и не будете какъ дѣти, жизнь не перемѣнится, будетъ на землѣ, какъ, была всегда, борьба и мука и смерть“.

— Солнышко-ведрышко, выгляни!—повторялъ Нели-

довъ голосомъ Иринушки, выкликая за нею солнце—с о л н ц е
п р а в е д н о е.

„Нѣтъ, не грозный, пришедшій карать челоѣка,—и за
что карать и безъ всякихъ каръ истерзавшагося на истер-
занной землѣ?—не твердый, отсѣкающій мечемъ сына отъ
матери и мать отъ сына, мужа отъ жены, и жену отъ мужа,—
и кому это надо среди великихъ разлукъ и случайностей?—
не гордый, возсѣдающій на какомъ-то заоблачномъ тронѣ,
куда не достигають ни одна жалоба, ни одна слеза, ни одно
желаніе,—а этого и своего довольно!—нѣтъ, у него тихій
проникающій взоръ, тихое слово, полное любви и послѣд-
няго утѣшенія: Придите ко мнѣ! Вотъ слово, засвѣ-
тившееся въ сердцѣ, измученномъ крестною мукой, въ пере-
мучившемся сердцѣ тоскою неминуемыхъ страданій, въ изра-
неномъ сердцѣ всякимъ обманомъ, всѣми бѣдами бѣдъ че-
ловѣческаго существованія, тихое слово любви и послѣд-
няго утѣшенія, призывъ Солнца праведнаго—Придите
к о м н ѣ!“

Погасаль морозный зимній день. Заходило солнце. Ярко-
голубой, затканый золотыми нитями, дымился вечеръ и мо-
розно скрипѣлъ, словно чьи-то руки тамъ за вечернею далью
разрывали куски тяжелой парчи. Находили со всѣхъ концовъ
тѣни, тушили огонь солнца, превращая алая облачка въ
кровавыя. И ужъ красно-золотистая пыльца лучей раз-
сѣялась и остались однѣ темныя стѣны.

Нелидовъ отошелъ отъ окна. И, наперекоръ поднявше-
муся чувству какой-то дѣтской радости, его охватила тоска.

Въ Костиномъ городѣ Нелидовъ случайный челоѣкъ.
Никогда онъ и не думалъ забираться сюда. Сама судьба за-
несла его. Съ Сергѣемъ Клочковымъ его связывала старая
дружба: и Нелидовъ и Сергѣй учились въ одномъ универ-
ситетѣ, тамъ и подружились. И это было такъ еще недавно.
А въ какой-нибудь годъ, два, все, что можно было потерять
въ жизни, все, кажется, было потеряно у Нелидова. Такимъ

онъ и пріѣхалъ къ Клочковымъ. А пріѣздъ его совпалъ съ послѣднимъ счастливымъ днемъ его друга.

Что-же онъ сдѣлалъ для Сергѣя? А что онъ могъ сдѣлать? Онъ вѣдь и самъ съ собою не знаетъ, что дѣлать? И что онъ можетъ? Что онъ такое? Да онъ просто одинъ изъ тысячи похожихъ и отличающихся лишь по фамиліямъ, онъ бывшій чиновникъ, актеръ и учитель, просто нѣкій господинъ Нелидовъ, одинъ изъ тысячи бывшихъ, настоящихъ и будущихъ, захрюснулъ въ водоворотѣ всякихъ мелочей и грызни, лишь бы жить и постоянно лѣзть въ свалку и постоянно отскакивать ошарашеннымъ и другихъ ошарашивать.

А когда-то онъ не такимъ былъ. Такъ казалось ему, что когда-то не такимъ онъ былъ.

Глава вторая.

Все вокругъ распадалось. Тѣни, вырастая въ великановъ, шли по землѣ, и запрудили всякій свѣтъ. Вѣтви дерева плясали отъ поднявшагося ночного вѣтра и похожи были на руки скелетовъ. А выглянувшія звѣзды закишѣли на ясномъ небѣ, будто собирались сорваться и улетѣть прочь, не смотрѣть на измученную плѣнницу, бродячую въ пространствахъ странницу-землю.

И пронеслось передъ Нелидовымъ его человѣческое странствованіе.

Да, онъ когда-то не такимъ былъ.

Дѣтство ему выпало хорошее, счастливое. А за дѣтствомъ наступила пора всякихъ надеждъ. Онъ вѣрилъ со всею горячностью своего счастливаго сердца въ какую-то новую жизнь, которую можно создать на землѣ, онъ вѣрилъ, что можно низвести небо на землю и вернуть людямъ какой-то потерянный рай. И построилъ себѣ несокрушимый

храмъ человѣческаго спасенія и сталъ обладателемъ безцѣнныхъ сокровищъ — всякихъ средствъ человѣческаго спасенія.

Но скоро несокрушимый его храмъ рухнулъ, какъ карточный домикъ. А отъ сокровищъ остался одинъ прахъ. Кто-то его обманулъ. Онъ кого-то обманулъ. А потомъ и самъ передъ собою слукавилъ. Такъ и кончилась счастливая пора.

И почувствовалъ онъ какой-то ужасъ передъ человѣкомъ, передъ самимъ собою, и выросталъ этотъ ужасъ, заволакивалъ, заслонялъ всякій просвѣтъ.

Онъ опозорилъ, оклеветалъ все незапятнанное, все правдивое, отвергъ довѣрчивый взоръ, какъ лукавство, и подслушалъ въ боли притворство, и ужъ видѣлъ всюду одну гадость, одни помои, однѣ ямы жизни.

И только вѣрилъ еще въ свое сердце: оно ему казалось непомернымъ—его сильное сердце. И тоже неправда: его сердце оказалось безсильнымъ.

Въ университетѣ, кромѣ Сергѣя Ключкова, былъ у него еще пріятель Ѳедоровъ,—противоположность Ключкову. И дороги ихъ были совсѣмъ другія: Сергѣй женился и взялъ отъ отца торговлю, Ѳедоровъ,—странный былъ человекъ Ѳедоровъ, безстрашный, игралъ со смертью.

И вотъ, когда Ѳедорова приговорили къ смертной казни, Нелидовъ испыталъ силу своего сердца—ничего не могъ сдѣлать Нелидовъ для своего друга. Онъ словомъ своего сердца безсиленъ былъ повернуть смерть, остановить ея руку, и всѣ его слова трепетали на его губахъ, какъ блеклый листъ на осенней вѣткѣ. И Ѳедорова казнили. Что ему было тогда дѣлать? Итти и отмстить? Но этого, вѣдь, мало. Какая наивность: смерть за смерть! Развѣ смерть врага, убившаго его друга, поправить что-нибудь, сотреть смерть друга? Какая простота! И развѣ месть вернетъ отнятую жизнь. Развѣ местию заполнится сердце, его сердце? Ужъ лучше самому умереть,

чиному не отмщая: ни Петру, ни Ивану, ни Сидору, которые наплюют и на твою вольную смерть. Да, надо отказаться отъ такой жизни, уйти прочь безъ оглядки. И онъ ужъ готовъ былъ умереть. И почему-то не умеръ съ своимъ безсильнымъ, ничего не стоящимъ сердцемъ.

Не могъ умереть. Хотѣлось ему еще пожить. Вѣдь, онъ одинъ изъ тысячи похожихъ и отличающихся лишь по фамиліямъ, онъ, бывшій чиновникъ, актеръ и учитель, онъ просто нѣкій господинъ Нелидовъ, одинъ изъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ, захряснулъ въ водоворотѣ всякихъ мелочей и грызни, лишь бы жить и постоянно лѣзть въ свалку и постоянно отскакивать ошарашеннымъ и другихъ ошарашивать. Гдѣ ему вольно умереть, гдѣ ему отказаться отъ жизни! Онъ и самъ это ясно сознавалъ, всю правду сознавалъ о себѣ и презиралъ себя.

Уйти бы ему тогда на край свѣта, спрятаться бы куда-нибудь, лишь бы его никто не видѣлъ, лишь бы не видѣть никого.

И пошли дни своею чередою, невѣрные дни. Казалось ему, всѣ двери были настежь отворены,—иди, куда знаешь!—да за дверьми-то, казалось ему, ничего не было—пустота.

А жить надо. Надо было ему во что бы то ни стало сумѣть прожить. А вѣдь чтобы сумѣть прожить, надо построить себѣ храмъ и повѣрить въ его несокрушимость и ужъ ничего другого и не замѣчать и не чувствовать.

И вспомнивъ то время, свои невѣрные дни Нелидовъ вспомнилъ одну картинку изъ жизни, отъ которой онъ долгое время не могъ отдѣлаться.

Это было по случаю какихъ-то благопріятныхъ вѣстей съ войны. Улицы запрудила тысячная толпа, и подъ звуки гимна побѣдоносно двигалось шествіе. Пересѣкавшій дорогу трамвай затормозили. И вотъ изъ подъ колесъ выползла искалѣченная собаченка. Визжа, съ высунутымъ кровавымъ языкомъ, болтающимся на раздробленной челюсти,

и размахивая, какъ хвостомъ, переломленною ногою, пустилась собаченка навстрѣчу побѣдоносному шествію. И визгъ ея словно плевалъ въ одичавшія отъ успѣха торжествующія лица и пронзалъ крики, музыку и восклицанія. Но этого мало. Когда кончились празднества и народъ разошелся, а собаченка гдѣ-то подъ заборомъ подохла, визгъ ея не прекращался. Собачій визгъ сверлилъ стѣны, проникалъ въ комнаты, прогрызалъ ткани, влеталъ въ ухо и гдѣ-то внутри безжалостно ковырялъ и, ковыряя своимъ острымъ отравленнымъ жаломъ, пробирался въ мозгъ, спускался по горящимъ жиламъ въ сердце и тамъ разъѣдалъ все живое.

И ужъ не вѣрилось ни въ какія побѣды и не надо было никакихъ благопріятныхъ вѣстей съ войны и было все равно: побѣдить ли Россія или разгромить родину враги. Не было ни враговъ, ни Россіи, а былъ одинъ изводящій визгъ за что-то раздавленной трамваемъ и подошедшей подъ заборомъ собаченки.

Вспомнивъ картинку изъ жизни—несчастную раздавленную собаченку, вспомнилъ Нелидовъ и свой странный сонъ въ ту страшную ночь, проникнутую собачьимъ визгомъ. Снилось ему, будто очутился онъ на галлереѣ собора. Всѣ люди внизу казались одинаковыми, однолицыми, какъ какіе-нибудь китайцы. Онъ стоялъ на галлереѣ собора и перегибаясь черезъ перила, не могъ оторваться и смотрѣлъ внизъ на высокій катафалкъ съ высокимъ гробомъ, покрытымъ пурпурною парчею. Заупокойная всенощная давно отошла, но народъ не расходился, всѣ ждали чего-то, устремляясь къ страшному гробу, покрытому пурпурною парчею. Тихо было въ соборѣ, не было слышно ни вздоха, ни тренія, только красные огни паникадія горѣли странно, будто съ болью, и отъ боли чуть потрескивали. И вдругъ ударилъ колоколъ, ударилъ колоколъ, какъ на Пасху, и понеслись громкіе воскресные звоны. И какъ одинъ человекъ грохнулась толпа на колѣни, согнулась къ землѣ, и по заме-

ревшимъ тѣламъ зыбью пронесся тонкій визгъ ни за что искалѣченной собаченки, со дна сердца, вѣками скрываемы потянулся собачій визгъ. И зашевелилась пурпурная парча на страшномъ гробѣ и медленно стала приподниматься. А онъ перегибался весь черезъ перила, не могъ оторваться и смотрѣлъ внизъ на этотъ страшный гробъ. Медленно поднималась парча. И въ мигъ тихимъ свѣтомъ осѣнился соборъ, и обезьянья морда, выглянувъ изъ-подъ парчи, оскалила зубы и, позѣвывая, протянула лапы страждущему человечеству. А перила, не выдержавъ тяжести, рухнули, и съ высоты онъ полетѣлъ внизъ головой...

И вспомнилась другая, не собачья ночь, хуже собачьей, синяя ночь.

Нелидовъ вскочилъ, зашагалъ по комнатѣ, а его испуганное сердце, словно обороняясь, застучало часто.

Синяя ночь... Она выпила всю его кровь, она измотала всю его душу, она источила все его сердце. Синяя въ своемъ звѣздномъ вѣнкѣ, она не отвѣтила ему, она только мучила его.

У Нелидова была невѣста. Онъ создалъ себѣ въ любви несокрушимый храмъ, но чья-то рука разрушила его храмъ до основанія: умерла его невѣста.

И было тогда такъ—такой сонъ онъ увидѣлъ тогда, въ синюю ночь,— будто не одинъ онъ, а ихъ много такихъ же, у которыхъ чья-то рука разрушила храмъ, и они, оторопѣвшіе отъ боли, жмутся другъ къ другу гдѣ-то у лобнаго мѣста и одного желаютъ, одного ждуть—смерти. И вотъ она подымается на лобномъ мѣстѣ сгорбленная, маленькая, совсѣмъ старушенка и, какъ дитя малое, цапается тоненькими костлявыми ручками, постукиваетъ костыликомъ и улыбается. „Не надо, говорить, мнѣ васъ, идите по домамъ, голубчики, у меня своихъ довольно, въ свое время всѣ явитесь, идите, голубчики!“ И улыбается.

Да, ему не пришло еще время, онъ и тогда не умеръ, въ ту синюю ночь. Не могъ умереть.

Нелидовъ ходилъ по комнатѣ, и слышалъ, какъ стучало сердце часто.

Глава третья.

Было совсѣмъ темно на дворѣ. Деревья въ серебряно-парчевыхъ покрывахъ заглядывали въ окна худыми почернѣлыми лицами. Каменѣль бѣлый засыпанный садъ.

Нелидовъ засвѣтилъ свѣтъ, усѣлся къ свѣту: принесли письмо.

Это было первое письмо отъ Сергѣя послѣ его отъѣзда и какое-то путанное и отчаянное. Видно, трудно было ему на новомъ его положеніи скрывающагося отъ кредиторовъ. Сергѣй сообщалъ, что доѣхалъ благополучно, но о дальнѣйшемъ ничего сказать не можетъ, и не знаетъ, вынесетъ ли онъ свою новую собачью жизнь.

... кланяйтесь Христинѣ, скажите, что напишу изъ №, а сейчасъ не могу, скажите, не могъ... не могъ, самъ не знаю, что останавливаетъ, не знаю, что и дѣлаю. За минуту не могу знать, что сдѣлаю. Такъ мало сталъ я знать себя, а можетъ, и никогда не зналъ...“

И представилъ себѣ Нелидовъ Сергѣя, водворяющагося въ какой-то безопасный городъ, гдѣ ни одинъ кредиторъ его не сыщетъ, но гдѣ съ каждымъ днемъ будетъ онъ опускаться, наконецъ, оголѣетъ и ужъ загнанною собакой гдѣ-нибудь въ отвратительномъ номерѣ гостиницы не для пріѣзжихъ перерѣжетъ себѣ горло осколкомъ отъ пивной бутылки. А не удастся такъ покончить: рука ли дрогнетъ или захватятъ во-время,—тогда будетъ еще хуже. Тогда, весь опутанный мнительностью, смакуя свое униженіе, онъ изморить себя и другихъ изморить: будетъ вѣчно на гла-

захъ какою-то жалобою, и весь видъ его, какъ калѣчнаго, будетъ проситься пожалѣть его, а самъ будетъ бояться всякой жалости. И жалость и нежалость, все равно, приметъ какъ униженіе и оскорбленіе.

„А какая же разница между нимъ и Сергѣемъ?—спросилъ себя Нелидовъ,—да ужъ не въ томъ ли, что Сергѣй не только мало сталъ знать себя, а просто никогда не зналъ себя, а онъ и не помнитъ, чтобы не зналъ себя,—вотъ и вся разница. Сергѣй ничего не скроетъ и всѣмъ будетъ виденъ, а онъ, зная себя, такъ затянется, любогo обманетъ“.

Нелидовъ свернулъ письмо и сталъ собираться къ Клочковымъ — къ Христинѣ.

Безъ стука отворилась дверь и высунулся, закутанный въ башлыкъ, Костя.

— Ну какъ, Костя, поживаешь?—поздоровался Нелидовъ, оглядывая страннаго гостя.

— Ничего,—сѣлъ Костя, не раздѣваясь, и нахмурился.

— Что это, Костя, у тебя на колокольнѣ часы пошаливаютъ?

— Ничего.

— Какъ ничего? То впередъ летятъ, то отставать начнутъ, не услѣдишь.

— А зачѣмъ слѣдить?

— Чтобы знать время. По часамъ вѣдь все построено, вся жизнь. А иначе всѣ дѣла перекувырнутся.

— И пускай перекувырнутся!

— Тебя, Костя, за это въ тюрьму посадятъ.

— Въ одиночное?—усмѣхнулся Костя.

— Въ одиночное не въ одиночное, а ужъ тамъ придумаютъ, за этимъ дѣло не станетъ... Эхъ, Костя, а если бы всѣ дѣла и дѣйствительно перекувырнулись, если бы часовъ и совсѣмъ не было, времени не было, понимаешь, Костя, ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго.

Костя вдругъ поднялся и, глядя въ упоръ, спросилъ рѣзко:

— Вы ничего не замѣчаете?

— Ничего.

— Ничего? — Костя скривилъ ротъ и, поднявшись на цыпочки, сказалъ такъ тихо, словно задохнулся: — времени скоро не будетъ ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго! — и снова опустился на стулъ, загрустилъ, — гдѣ Сережа?

— Сережа сдѣлаетъ свои дѣла, а тамъ и вернется.

— Никогда не вернется! Не вѣрю я, врите вы все... Владимиръ Николаевичъ, знаете, скоро и я тоже... Что, въ самомъ дѣлѣ, за нужда мнѣ торчать цѣлыми днями въ магазинѣ? Я этотъ магазинъ — къ чорту. Я уже по секрету скажу, никому не рассказывайте, я, Владимиръ Николаевичъ, вчера поступилъ... въ лягушачью вѣру!

— Какъ такъ въ лягушачью? — Нелидовъ пересталъ ходить, присѣлъ къ Костѣ.

— А видите, не такъ это просто... слышалъ я, можно притянуть къ себѣ человѣка, чтобы онъ за тобою, какъ тѣнь, всюду слѣдовалъ, такъ за тобою и шелъ бы, и ничего бы не могъ дѣлать безъ тебя... понимаете?

Нелидовъ задумался.

— Его, Костя, надо пожелать крѣпко, того человѣка, всѣмъ сердцемъ, всею душою, и тогда, возможно, человѣкъ пойдетъ за тобою.

— Знаю! — Костя снисходительно улыбнулся, — желалъ я неоднократно, да ничего не выходитъ.

— А если ничего не выходитъ, стало быть, вся суть только въ тебѣ, Костя: мало, вѣдь, пожелать, надо имѣть право пожелать, надо имѣть сильное сердце, такое сердце, которое бы смерть покорила себѣ...

— Да не то вы говорите! — перебилъ Костя, — средство есть, вѣрное средство. Надо лягушку. Надо изловить лягушку,

отломить у лягушки лѣвую заднюю лапку, высушить лапку и незамѣтно, чтобы никто не видѣлъ, зацѣпить лапкою кого хочешь. И все готово.

— Ну и въ чемъ же дѣло?

— То-то и дѣло, не могу я достать лягушачьей лапки... заячья у меня есть...

— А ты попробуй заячьей.

— Заячья—отъ другого, — Костя болѣзненно морщился,—это если что-нибудь такое... не охота срамиться или дать кому по шеѣ...

Нелидову стало жалко Костю.

— Вотъ придетъ весна,—сказалъ онъ,—ты налови лягушекъ, ихъ вездѣ много, не оберешься, да и дѣйствуй.

— Мнѣ надо сейчасъ! сейчасъ!—задрожалъ Костя отъ нетерпѣнія, и сидѣлъ такъ мучительно долго, надутый, съ выпученными глазами, и надувался, какъ лягушка, и лицо зеленѣло, какъ у лягушки.

Нелидовъ не разъ заговаривалъ, но отвѣта не было.

И вдругъ Костя приподнялся съ перекошеннымъ ртомъ; приподнялся на цыпочки, какъ раньше, и сказалъ такъ тихо, словно задохнулся:

— Времени скоро не будетъ ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго!—и, съжившись весь, вышелъ изъ комнаты.

Нелидовъ догналъ Костю на улицѣ. И они шли рядомъ, одинъ такой высокій и прямой, другой такой ма̄ленькій и горбатый. Не говорили ни слова, а шаги ихъ вторили другъ другу.

Такъ шли они молча, не спѣша и ровно, каждый прямо къ своей цѣли: Костя—миръ перевернуть, Нелидовъ—просто, ничего не измѣняя, уйти изъ этого міра.

— Эхъ, Костя, если бы часовъ и совсѣмъ не было!—сказалъ Нелидовъ, вдыхая морозный воздухъ.

Ударялъ лютый морозъ.

Часты, густы звѣзды разсыпались по небу,—золото по царскому двору. Тамъ царь сидѣлъ съ царицею, считалъ царь свой богатства, пилъ изъ золотой чаши, нанизывала царица звѣздный бисеръ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава первая.

Христина сжала руками лобъ, словно хотѣла замкнуться отъ врывающихся назойливыхъ часовыхъ выкриковъ и скрипучихъ часовыхъ голосовъ,—отъ нихъ всѣ стѣны магазина вздрагивали и колебались.

Но часы не могли остановить своего разговора, часы не могли успокоиться: они шли, шамкая, топоча и постукивая, они приставали къ ней по-человѣчье, вторя ея поднявшимся мыслямъ.

„Большое случилось несчастье! Нелидовъ правъ. Теперь ты одна. Трудно тебѣ безъ Сергѣя. А что подѣлаешь? Ничего не подѣлаешь. Ну и принимайся за работу. У тебя рука легкая. Засучивай рукава выше. Встрѣчай, принимай дорогого гостя,—свою бѣду и несчастье. Сажай въ красный уголь. Хвали горе, чтобы не плакало!—такъ вѣдь говорится? Но ты больше не можешь валяться въ постели и ни о чемъ не думать, не можешь, не думая, нѣжиться и не держать въ головѣ времени, дорогого времени, и не считать часы. Время идетъ. Время не станетъ ждать. Ты больше не можешь подолгу причесываться, стоять передъ зеркаломъ, стоять такъ сама съ собою. Нѣтъ, ты чѣмъ свѣтъ подымай

ся съ постели, кое-какъ одѣнься. Не прихорашивайся, все равно, только бы прилично было. Прилично и сойdetь. И не жалуйся, не пеняй, что кофточка поистрепалась и не по модѣ, а у юбки подоль обшаркался. Оборви тесьму, не обращай вниманія. Сойдеть. Прилично и сойdetь. Большаго съ тебя не спросятъ. А многое идетъ къ тебѣ. Помнишь? А ты замѣтила, какъ за какія-то двѣ, три недѣли ты опустилась. Не блестятъ твои ногти. Но будетъ еще и еще хуже. Станетъ тебѣ некогда и неважно. Ты знаешь, что такое некогда? Вѣдь это такъ, будто попалъ человѣкъ на страшные зубцы колеса времени или попросту на зубцы часового колесика. Колесико неумолимо, оно не выпуститъ, возьметъ оно и потянетъ, будетъ тикать на самое ухо, напоминать всякую секунду, советъ въ твоемъ сердцѣ маленькое пѣвучее гнѣздышко, пѣть будетъ свою пѣсню. И всюду за тобой одна пѣсня и всегда съ тобой одна пѣсня, и никуда ты не скроешься отъ этой пѣсни: некогда! некогда! некогда! Съ утренними думами разстанься. Хорошо, проснувшись, помечтатъ? Нѣтъ, утреннія думы не придутъ, не возвратятся, ты не жди ихъ. Да и нельзя тебѣ ждать: тебѣ дѣла по горло, тебѣ некогда. Выпей наскоро чаю, да спѣши въ магазинъ, да всю дорогу думай, крѣпко думай одну думу: кабы не пропустить чего, кабы не забыть о чемъ, кабы не сдѣлать того, чего у настоящихъ людей не дѣлается. У настоящихъ людей, ты прекрасно знаешь, свои строгія заповѣди. Нарушишь хоть одну заповѣдь, свернешь себѣ шею. Но ты не должна этого дѣлать. Ты должна слушаться, должна покориться. У тебя Иринушка и весь домъ у тебя на рукахъ. Куда они безъ тебя дѣнутся,—и старикъ, и Катя, и Рая, и Костя, и Мотя? Надо покориться. Не хочешь? Одной трудно сдѣлать? Тебѣ безъ Сергѣя трудно? Не удивляйся, если тебѣ помощники явятся. Только не вѣрь имъ. Тебя считаютъ въ городѣ первою красавицей. Тебѣ это хорошо извѣстно. Впрочемъ, вся твоя красота... Это не вывезетъ. Когда

спасаются отъ огня, ни на что не смотрятъ, а давятъ и давятъ. А развѣ жизнь не тотъ же пожаръ, правдѣ, огня давно нѣтъ, потопомъ, говорятъ, залило огонь, но гарь, чадъ. Чадъ ползетъ, его не зальешь. Это хуже огня. Тутъ ужъ, дѣйствительно, при всемъ желаніи ни на что не посмотришь. Ахъ, вчера во-время не успѣла послать въ банкъ, позавчера письмо, намедни вексель. А тамъ часы побѣжали и не замѣтила и просрочила вексель. Ну ничего. Не горюй. Охватить дѣловая жизнь, зачадить, и все пойдетъ, какъ по маслу. А пріятели непременно явятся, у васъ много пріятелей! Только ты не вѣрь имъ. Заберешь въ голову Богъ знаетъ что, выудишь изъ простой вѣжливости дружбу, а послѣ, какъ все окажется не по-твоему, вѣдь изноешь, истерзаешься понапрасно. А къ чему! И ночи у тебя не будетъ, и дня не будетъ. Однѣ какія-то сумерки. Зубъ-на-зубъ не попадаетъ, вотъ что. Губы искусаны, вѣки опухли, руки, какъ плети, а въ головѣ мертвая точка отъ злости, отъ отчаянія, отъ обиды. Только злость и отчаяніе и обида. И, чего добраго, еще захвораешь. Ну, хворать тебѣ не полагается. Собаченкой искалѣченной подъ заборомъ подохнешь. Ты помнишь, Нелидовъ тебѣ о собаченкѣ рассказывалъ? Конечно, помнишь. Такъ не вѣрь никому и не обманывай себя. Ничего она не стоитъ, твоя красота. Это только такъ кажется. Раньше до всякихъ исторій да, она передергивала, она сгибала, а теперь... Конечно, по мелочамъ, на бал м а ш ѣ, какъ сказалъ бы мастеръ Семень Митрофановичъ...

Христина заткнула уши, словно этимъ хотѣла прогнать свои мысли, но, видно, такъ просто не отдѣлаешься.

Шли часы, всѣ стѣны магазина бормотали—наговаривали ей ея же собственные мысли.

„Будь мужественной, будь правдивой, взгляни прямо. Хуже будетъ, и больнѣе. Твои знакомые начинаютъ отъ тебя сторониться, едва приподнимаютъ шляпу, едва киваютъ,

переходятъ отъ тебя на другую сторону, не замѣчаютъ тебя, чувствуютъ неловкость, когда заходитъ о тебѣ рѣчь. Чего ужъ говорить, никто изъ нихъ и носа не кажетъ. Почему это никто носа не кажетъ? Некогда имъ. Некогда? А прежде было время? Почему это всѣ такіе жестокіе, и нѣтъ ни у кого сердца, а есть только слова, невѣрныя слова. А кому охота возиться съ чужими дѣлами! Ну сама посуди, тебѣ есть охота? Но будь мужественной, это ты говорила: „я хочу жить и не отдамъ себя!“ Такъ, вѣдь, ты говорила? И ужъ держись до конца. О домѣ забудь, о старикѣ, о Катѣ и Раѣ, о Костѣ и Мотѣ, и о Иринушкѣ и о Сергѣѣ, не надо вспоминать, это только обезсиливаетъ. Смотри, какъ ты осунулась, синяки подъ глазами, морщинки. Впрочемъ, отъ этого не уйдешь. А старикъ... старикъ и въ правду боленъ, онъ не притворяется, гдѣ тутъ представляться, когда въ головѣ завелись тараканы и торчатъ ему изъ обыкновенной чайной чашки коровьи ноги, а изъ глазъ высовываются тараканьи усы! Не хочетъ старикъ дать денегъ? Не хочетъ выручить? Да, ей Богу же, у старика и денегъ-то никакихъ нѣтъ. Старикъ сумѣлъ прожить жизнь, а ты, ты сумѣешь прожить жизнь?“

Христина вздрогнула: на улицѣ у двери стоялъ какой-то господинъ, заглядывалъ въ магазинъ, переминался, будто войти все хотѣлъ. Но, видно, раздумалъ и отошелъ прочь.

Подымалась бѣлая метелица, крутило.

„И чего это онъ въ окно подглядываетъ? Да какъ же не подглядывать? Ишь, какъ ты убиваешься, а это занятно. Тянетъ къ чужому горю, притягиваетъ, и вѣдь, одна мысль тогда: „слава Богу, не меня!“ И любопытно,—въ театръ не ходи. Въ бѣдѣ человѣкъ большой чудакъ: волосы рветъ, зубами скрипитъ, дѣлаетъ такія вотъ гримасы, какъ ты сейчасъ... На похоронахъ тоже,—потѣха одна! Знаешь, когда послѣ отпѣванія крышку несутъ закрывать гробъ, ой! А чего это Зачесовъ повадился? И закрылъ тебѣ кредитъ. Или.

это ты сама отказалась отъ кредита? Думаешь, за наличныя лучше дѣло пойдетъ? Хорошо, валяй за наличныя, только откуда ты денегъ возьмешь? Что ихъ куры что ли не клюютъ? Но въ самомъ дѣлѣ, что же это такое, неужели земля клиномъ сошлась? Неужели такъ-таки и нѣтъ ни одного человѣка, который помогъ бы тебѣ, выручилъ бы тебя? Неужели всѣ такіе? Нелидовъ? А у Нелидова, что скрыто у него за его дружбою и вѣжливостію? На первыхъ порахъ это еще бываетъ, потомъ откровенно, что-нибудь такое и спроворить. Онъ пріятель Сергѣя и не такой, какъ всѣ. Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно. Не выходитъ? А ты потрудись. Необходимо, чтобы все было въ порядкѣ и за номеромъ. А сама подъ какимъ номеромъ? Не знаешь? А есть такіе хитрецы, узнаютъ. Ты Костю спроси. Костя все знаетъ. Онъ поступилъ въ лягушачью вѣру. Онъ лягушачьей лапкой кого угодно притянуть къ себѣ можетъ. Номеруй эти бездѣлушки, это отвлечетъ, сократитъ время. Удивительная вещь—время, какъ пустилось тогда, помнишь, въ тотъ вечеръ, въ день отъѣзда Сергѣя, такъ и пошло и пошло. Завтра платежъ по векселю. Главное, чтобы не просрочить, ты не забудь, завтра платежъ. Сергѣй забывалъ. Сергѣй тебѣ ножку подставилъ своей забывчивостію. Спасай его, спасай! Доброе дѣло сдѣлаешь. А у тебя моршинки и кофточка повисла, спасай его, спасай! Да не забудь ему денегъ послать. А то, чего добраго, еще что случится: возьметъ вотъ такой револьверчикъ, разинетъ ротъ, наставитъ: баць и готово. Кто его тамъ защититъ? Кто приласкаетъ? Кто обойметъ? Кто утѣшитъ? Бѣдный Сергѣй. Что же дѣлать, не везло бѣднягѣ. Съ другого, какъ съ гуся вода, а ему нѣтъ. Поигрывалъ въ карты и такъ все забывалъ. Все бывало на свой счетъ записываетъ. Широкая натура. Пріятели наѣдятъ, напьютъ, а Сергѣй за всѣхъ заплатитъ. Полонъ домъ гостей, съ утра звонки. Вотъ она дружба! Его и просить не требовалось, самъ все понималъ. А то часто другой и не

прочь бы помочь, да не понимаетъ, ждетъ, пока не попросишь. Ты знаешь, что такое просить. А бываютъ такіе друзья, которыхъ надо попросить. Завтра платежъ, понимаешь? Попроси Зачесова. Ты просила? Не даетъ? Обманывали Сергѣя, всѣ обманывали. Знаешь, ему даже на почтѣ старыя марки за новыя продавали. Но тебя онъ не обманывалъ... Теперь онъ совсѣмъ растерялся: „Руки, говоритъ, наложу на себя, погубилъ я васъ.“ Его мучаетъ, что онъ погубилъ тебя. И о Катѣ позаботься, сутки въ три какъ свернуло ее! Подозрительно, что горло у ней болитъ. И о старикѣ не забудь, ему въ чашкахъ коровьи ноги представляются, а въ головѣ у него завелись тараканы. А у Кости залѣзнякъ въ нутрѣ ходитъ. Спасай, всѣхъ спасай! О себѣ забудь. Все равно.“

Христина уставилась въ одну точку и безсмысленно повторяла одно и то же, сковывающее по рукамъ и ногамъ безнадежное:

— Все равно, мнѣ все равно!

Освободилъ ее покупатель. Онъ долго выбиралъ вещи, прицѣнивался и торговался. Потомъ все захулилъ, взялъ какую-то мелочь и ушелъ.

И стало въ кассѣ больше на какой-то двугривенный.

Пересчитала Христина какія были деньги, всю наличность, хотѣла отложить для завтрашняго платежа. Денегъ не хватаетъ: о платежѣ и думать нечего.

„Если бы найти ей кошелекъ, полный золота, такъ просто гдѣ-нибудь на улицѣ, и она сразу расплатилась бы и Сергѣй вернулся бы. Если бы ей найти кошелекъ! А какъ мало иногда требуется: ей кошелекъ, Костѣ носъ, какъ на картинѣ, и все было-бы кончено.“

Вошелъ сосѣдъ Зачесовъ, любезно улыбался, расшаркивался. Про то, про се. Онъ хочетъ поговорить съ ней по секрету. Зачесовъ выручить!

Они скрылись вмѣстѣ въ комнатку за прилавкомъ,

Христина смотрѣла большими глазами и сердце ея коло-
тилось. А Зачесовъ порылся въ бумажникѣ. отыскалъ век-
сель и молча положилъ вексель на столъ.

Но вѣдь она не можетъ заплатить, у ней нѣтъ денегъ.

— Такъ поступаютъ только подлецы!—крикнулъ рѣзко
Зачесовъ и отъ крика его затрещало гдѣ-то въ висячихъ
часахъ и упалъ маятникъ.

Спрятавъ обратно вексель въ бумажникъ, Зачесовъ, не
прощаясь, вышелъ. А сорвавшійся бой часовъ и въ боѣ какія-то
трескучія пѣсни словно прыснули ей кипяткомъ въ лицо.

— Зажгите лампы! — крикнула Христина какимъ-то
раздирающимъ голосомъ, словно хотѣла выкрикнуть всю
свою обиду и безсиліе, остановить подкатившіяся горячія
слезы, и, стукнувъ кольцами о столъ, пошла изъ комнатки
въ магазинъ за прилавокъ.

Курьеръ подалъ пакетъ изъ банка. Опять повѣстка, —
еще платежъ! Ну, что ей дѣлать?

„Если бы Сергѣй любилъ ее, если бы чувствовалъ къ
ней хоть каплю любви, хоть вотъ столько любви, хоть вотъ
столечко любви, онъ не допустилъ бы, онъ не могъ бы до-
пустить всѣхъ этихъ униженій. Да, если бы онъ любилъ ее,
развѣ такъ все произошло бы. Онъ не знаетъ, что съ собою
дѣлать? А она знаетъ? Но вѣдь она же сама настаивала на
его отъѣздѣ, вѣдь она спасти его хотѣла.“

— Что, что тебѣ надо?

Какой-то мальчикъ изъ магазина давно стоялъ передъ
Христиной и, переминаясь, жаловался, что его хозяину Ба-
калову отъ нихъ счетъ подали, а счетъ давно ужъ оплаченъ.

— Мотя, книгу!—кричитъ Христина.

Глуховатый Мотя не слышитъ.

Она снова зоветъ брата, надрывается, выходитъ изъ себя.

Наконецъ-то, Мотя услышалъ, приноситъ книгу. Роятся
въ счетахъ. Отыскиваютъ счетъ Бакалова. Дѣйствительно,
по счету заплачено.

— Сергѣй Андреевичъ забылъ въ книгѣ отмѣтить.

— Забылъ?

— Христина Ѳедоровна, — жалуется Рая, — Костя опять стекло разбилъ.

— Гдѣ Костя?

— Васъ къ телефону просятъ! — снова и снова тормозятъ Христину.

Зажгли лампы.

И стѣны ожили: увѣшанныя часами глазастыя насквозь онѣ видѣли, тянули свои изводящія часовыя пѣсни.

А въ окно метель рвалась, дубастила о звонкую раму, лѣпила по стеклу широкіе бѣлые листья, бѣлые цвѣты.

А когда-то Христина приходила сюда, въ магазинъ, такая счастливая, и готова была всякому улыбаться и со всякимъ кружиться подъ этотъ свистящій заметающій танецъ бѣлой метелицы.

Пора было обѣдать. Но Христина медлила, боялась уходить, — метели боялась. Наскочитъ метель, набросится, изсѣчетъ все лицо, заморозитъ ей глаза. А ей и такъ холодно.

Христина, какъ-то крадучись, забрала съ витрины драгоценныя вещицы, сунула въ сумочку и пошла: все снесется въ ломбардъ.

И въ раскрытыя двери метнулись тысячи костистыхъ бѣлыхъ чудовищъ, приняли ее и, свистя, бѣгливыя, сшибали ее съ ногъ.

Бѣсилась метелица. И хоть плачь, хоть не плачь, не поможетъ.

Глава вторая.

— А знаете, что я сдѣлалъ? — Костя вломился въ магазинъ и, фыркая, раскутывался изъ своего башлыка.

Отъ таявшаго снѣга натекала вокругъ него цѣлая лужа.

Мотя, не обращая вниманія, сиповато въ полголоса продолжалъ читать свой Ключъ къ женскому сердцу.

— „А который молодой человекъ, чувствуя влеченіе къ пріятной молодой особѣ женскаго пола и желая покорить юное сердце...“

— Я зацѣпилъ Фросю заячьей лапкой, — фыркалъ Костя, — и Фрося задрожала и посинѣла, какъ синька...

Тихонько подкравшаяся Рая придавила сзади ладонями глаза Моти. Мотя завертѣлъ безпомощно головою и, вырвавшись, бросился за Раей. И въ комнаткѣ за прилавкомъ что-то грохнулось объ полъ, понатужилось и хряснуло; Мотя и Рая возились.

Полетѣли подшлепники, сипѣло и визжало:

— Лампу срони!

— Мотька!

— Пусти, говорятъ!

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ, кобыла!

Дремавшій у кассы мастеръ Семень Митрофановичъ не вставая, тяжело нагнулся, поднялъ брошенную Мотину книгу, сдунулъ пыль съ книги и непривычно, какъ-то глупо раздѣляя слога и словно возводя маленькія буквы въ прописныя, принялся читать трогательнымъ голосомъ.

Костя, угомонившись, взялся вычистить часовыя стеклышки, и треть стеклышки, натираетъ лайкой изъ всей силы.

— А Лидочка Лисицына такая хорошенькая стала, какъ цвѣточекъ, она, знаете, Семень Митрофановичъ, хорошѣетъ и хорошѣетъ...

Мастеръ сдѣлалъ ужасное лицо, будто собираясь заплакать, и громко и грозно чихнулъ.

На чохъ кубаремъ скатился сверху изъ мастерской мальчишка Иванъ Трофимычъ, а за Иваномъ Трофимычемъ песъ Купонъ.

— Спрашивали?—угрюмо озирался мальчишка.

— Спрашивали?! Огузокъ!—Костя бросилъ на полъ часовое стеклышко, надулъ щеки и, облизываясь, направился въ мастерскую за чаемъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился:—Семень Митрофановичъ, что это такое, что ни днемъ, ни ночью не даетъ покою?

— А если чешется да глубоко,—высовываетъ языкъ мастеръ, передразнивая Костю,—подешевѣтъ молоко, а если чешется близко—

— Рѣдиска!—перебиваетъ съ удовольствіемъ Костя.

Вдругъ затрещалъ пробужденный будильникъ. И допѣвали стѣны свои останныя пѣсни, допѣвали устало. А за окномъ метель колотила, бухала. Метался огонь у витрины, бѣсилась метелица. И хоть плачь, хоть не плачь, не поможетъ.

Издерганный Мотя оправился, сталъ за прилавокъ, пощипывалъ усики.

Рая все еще вертѣлась передъ зеркальной дверью у комнатки: зажимая зубами шпильки, поправляла прическу.

— Тяжелый нынче покупатель пошелъ, а бывало пролому нѣтъ,—зѣвнулъ мастеръ и, захлопнувъ книгу Ключъ къ женскому сердцу, пошелъ къ грамофону, отыскалъ какой-то персидскій маршъ, завелъ грамофонъ.

И покатили—пошли стиснутые, будто покрытые густымъ слоемъ пыли, будто завязающіе другъ въ другъ при-топтывающіе звуки, они шли и закатывались.

И подъ музыку мысли у мастера закатывались.

Думалъ мастеръ Семень Митрофановичъ, что теперь ужъ окончательно ясно,—хозяинъ, проскочивъ въ трубу, сбѣжалъ, платить не будетъ, и что не удрать ли и ему самому по добру-по-здорову, пока еще цѣль? Впутаешься въ исторію,—не расхлебаешь. Видалъ онъ такихъ штукарей Клочковыхъ: на шармочка норовятъ. Только не прособачить бы ему выгоднаго мѣста.

Наверху что-то треснулось и, мелко раскатившись, задребезжало по ступенькамъ внизъ, а вслѣдъ по лѣстницѣ затопали тяжелые шаги.

— Чай пить, пожалуйста! — топалъ Костя, внося въ магазинъ изъ мастерской полный подносъ со стаканами.

Мастеръ перемѣнилъ кружокъ. Да, онъ удереть отъ Клочковыхъ по добру-по-здорову, пускай сами расхлебываютъ.

Начинается чаепитіе. Звенять ложечки — мѣшаютъ чай, хряпаютъ сахаръ, — прикусываютъ, отдуваются, а грамофонъ тянетъ свою музыку.

— Плачетъ, словно Лидочка! — замѣчаетъ Костя.

Мотя пріятно улыбается:

— Никогда я не видѣлъ губернаторши, говорятъ, она старуха, но очень привлекательная...

— Я бѣ ему замахнулъ, зналъ, бы куда! — взбрыкнулъ вдругъ мастеръ, продолжая вслухъ свои мысли; онъ опять разстроился дѣловымъ своимъ соображеніемъ: не прособачить бы выгодное мѣсто.

Вваливается покупатель, садится насѣдкою. Въ магазинѣ поднимается крикъ, говорятъ всѣ сразу, торгуются.

— Глухой, — фыркаетъ Костя, — жизнерадужный, своихъ лошадей имѣетъ, а глупый.

— Набуркался! — подмигиваетъ мастеръ, прибирая товаръ.

И нехотя, съ досадой скрипитъ перо: глухому отпускаютъ въ кредитъ.

И опять за окномъ загудѣла метель: — или не хочетъ глухого выпустить на волю? Ударило дверь, ушелъ глухой изъ магазина.

— Мастеръ поставилъ новый кружокъ въ грамофонъ.

И сиротливо завторилъ трогательной музыкѣ растроганный Костя:

— Я, Семенъ Митрофановичъ, хоть мнѣ и грѣшно го-

ворить, но вамъ, какъ человѣку, а не какъ старшему: когда на Лидочку Лисицыну смотришь, что-то отрадное чувствуешь, ужъ привыкъ взоръ глазъ моихъ видѣть ее, Лидочку Лисицыну. А не смотришь на нее, не то ужъ выходитъ, все начинается не дѣлаться, жизнь начинается мѣшаться.

Рая, глядя на Костю и гримасничая, хихикаетъ.

— Оставить Клочковыхъ, говоришь, нельзя, хорошо, — мастеръ, растопыривъ руку, загнулъ большой палецъ и, наступая на Мотю, продолжаетъ, — но опять же какая твоя роль: кто ты такой и въ какомъ ты костюмѣ?... Приказчикъ ты здѣсь, довѣренный, отходникъ или просто дикій человѣкъ? Развѣ тутъ выбьешься? Мало ли мѣстовъ! Тутъ непременно захряснешь по горло. Онъ что, сукинъ сынъ, купилъ тебя, что ты ему обязанъ?

— Есть и другія барышни, но къ нимъ не влечетъ меня, — объясняется Костя, продолжая свое, — я не говорю съ Лидочкой: даръ слова теряется, такъ хороша она, не можетъ быть лучше ея на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Пойдешь гулять, разъ пять посмотришь на Лидочку, поклонись ей и убѣжишь...

Рая, хихикая, наклоняется къ Костѣ и дуетъ ему въ ухо.

— Я учусь пѣть, Сеня, принаторѣлъ ужъ въ пѣніи, и голосъ у меня басъ, какъ у Шаляпина, я пѣвцомъ буду, — я буду товарищъ Шаляпина... — оправдывается Мотя передъ наступающимъ на него мастеромъ Семеномъ Митрофановичемъ.

И взбрызнула вдругъ рѣзкая, забористая пощечина: Костя хватилъ Раю по щекѣ.

— Ты не смѣешь! Не смѣешь! — взвигнула отъ боли зардѣвшаяся Рая.

А Костя, запрокинувшись, потерялъ равновѣсіе, и ткнулся носомъ въ пасть грамофона.

— Кривой носъ — кривой носъ! — загозила Рая, отбѣжавъ къ зеркальной двери, и готовая каждую минуту юркнуть отъ Кости въ комнатку.

И Костя очнулся. Закусивъ до крови губу, схватилъ грамофонный кружокъ. И свиснулъ кружокъ. Сверху до низу затряслась зеркальная дверь и посыпались стекла.

Сыпались звенящія стеклышки, звенѣли мелкимъ серебромъ, раздирали зеркальное разливное поле разбитой двери.

Мотя поймалъ за ногу Костю и, отшвырнувъ его, бросился въ комнатку къ Раѣ.

Рая рыдала:

— Мотька, голубчикъ, Мотька, жить тутъ, убьетъ онъ, поганый!

Мастеръ, подпирая бока, григоготалъ отъ удовольствія.

— Сыпь, плюнь, да чеши ее въ зубы!—натравливалъ онъ Костю на Раю.

А ужъ время приспѣло, пора было кончать и запирать магазинъ.

Иванъ Трофимычъ снесъ съ верху изъ мастерской жестяную лампочку—безсонную ночную сторожиху, поставилъ ее подъ разинутую металлическую пасть грамофона, замерѣвшаго въ зѣвотѣ.

И только часы ходили, какъ утромъ, какъ днемъ, какъ вечеромъ, не могли забыться: имъ не уснуть.

Глава третья.

Вторую недѣлю лежала Катя: она простудилась и у ней заболѣло горло. Но докторъ сказалъ, что тутъ не въ простудѣ дѣло, а въ какой-то наслѣдственности, и что болѣзнь Кати очень опасна.

Вторую недѣлю лежала Катя и все одна—кому до нея было дѣло! И такъ ее все измучило и боль не проходила—улучшеній она никакихъ не чувствовала.

— Умереть бы!—Катя закрыла глаза.

Въ наполненной какимъ-то гуломъ тьмѣ поплыли передъ ней, цѣпляясь другъ за друга, блестяще-колкія зубчатые часовыя колесики.

И показалось Катѣ, кто-то тихонько пріотворилъ дверь, заглянулъ къ ней въ дѣтскую и на цыпочкахъ отошелъ прочь.

И тотчасъ заговорили за стѣною,—выскочилъ пискъ, сорвался смѣхъ,—говорили сначала въ полголоса, потомъ тихо, и такъ волною: смѣхъ, пискъ.

„Должно быть, подумала Катя, вернулись изъ магазина, и думаютъ, что я сплю!“

Словно тупые тиски зажимали ей горло, все туже и туже сжимали тяжелымъ слѣпымъ желѣзомъ.

Хотѣлось Катѣ повернуть опухшую шею, но тяжесть была непомѣрна и, обезсилѣвъ, она лежала пластомъ.

А за стѣною смѣялись и смѣялись беззаботно. И было ей горько отъ беззаботнаго чужого смѣха. Такъ и она когда-то смѣялась, только ужъ давно. Вотъ вспомнила и ей горько.

Щипали слезы коготками истосковавшіяся ея рѣсницы. Спирало дыханіе. Не хватало воздуха. Такимъ недоступнымъ, такимъ желаннымъ сталъ для нея воздухъ. Жить захотѣлось, и взгорькнуло сердце:

— Умереть бы!

И опять показалось Катѣ, кто-то тихонько пріотворилъ дверь и ужъ подошелъ къ ея кровати, наклонился и, такой горячій, обжегъ ей лицо.

Силилась Катя открыть переплаканные глаза, посмотреть, кто это все подходитъ и стоитъ надъ ней. И не могла. А скоро ей стало все равно. Тупая боль задавила въ ней всѣ желанія.

И вдругъ увидѣла Катя мать свою: стала передъ ней мать, какъ когда-то съ забинтованною головой и, посмотри-

вая на нее скоса, покачивала забинтованною головой, словно упрекая ее въ малодушіи.

— Мама! — закричала Катя и ужъ послѣднія силы оставили ее, и другой сонъ безъ видѣній покрылъ ея слипшіеся отъ боли глаза.

Костя, подсматривавшій въ щелку къ Катѣ, шарахнулся отъ двери.

— Господи, концовъ не найти! — бормоталъ Костя и, вытянувъ руки, и шатаясь, раздѣтый въ однихъ длинныхъ черныхъ чулкахъ, пошелъ черезъ комнаты на верхъ въ столовую.

Глава четвертая.

Въ столовой былъ свѣтъ.

За раскрытымъ ломбернымъ столикомъ сидѣлъ старикъ, не въ халатѣ, а по-праздничному въ своей кургузой визиткѣ. Противъ него и по бокамъ стояли пустые стулья. На столикѣ горѣли двѣ свѣчи. А по зеленому полю расходились дорожкой столбики бѣлыхъ цыфръ.

— Я больше не могу спать! — сказалъ Костя глухимъ голосомъ, не переступая порога столовой.

Старикъ, занятый картами, продолжалъ игру: сдавалъ, рассчитывалъ, сбрасывалъ карту, ходилъ и подмигивалъ. Вотъ сгорбился весь и, недовольно побряхтывая, мелкомъ записалъ противъ себя свой проигрышъ. Вытащилъ изъ кармана кошелекъ, вынулъ золотой, попридержалъ въ рукѣ и, униженно улыбаясь, протянулъ золотой — пустому стулу, на которомъ долженъ былъ сидѣть его счастливый партнеръ.

— Я больше не могу спать! — повторилъ Костя и вытянулся весь на своихъ тощихъ черныхъ ногахъ.

А золотой звякнулъ и, раскатившись по полу, юркнулъ, какъ мышъ, подъ диванъ.

Старикъ, занятый картами, не замѣчалъ Костю и не слы-

шалъ его голоса, старикъ продолжалъ игру: спѣшилъ отыгратъся, сдавалъ, покачивалъ головою и, прячась отъ одного воображаемаго партнера, показывалъ другому свои карты, чего-то ждалъ, шептался, складывалъ пальцы въ кукишъ и дрожащимъ кукишемъ дразнился, сдавалъ, рассчитывалъ, сбрасывалъ карту, ходилъ и подмигивалъ.

На стѣнѣ подмигивалъ—бѣгалъ маятникъ въ домикѣ часовой кукушки. И вдругъ вздувались и вдругъ опадали бѣлыя шторы въ окнахъ противъ піанино.

На своемъ обычномъ мѣстѣ за холоднымъ самоваромъ, облокотясь на столъ, сидѣла Христина и помѣшаннымъ взглядомъ смотрѣла въ черное, незавѣшенное окно.

За окномъ мела метель и метало окно, будто черныя ленты. По тѣмъ лентамъ—путямъ шла ея мысль и, упираясь въ черную точку, съ отчаяніемъ возвращалась къ ней и опять шла. Но душа ея не хотѣла сдаваться. А не находившая себѣ исхода мысль зазмѣилась клубками жестокихъ мыслей: будто подымали онѣ хищные вороньи клювы и, затаращивъ колкія свои перья, клевали ея сердце. И сердцу тоже не стало мѣста, ему тоже не было исхода. А душа упорно не хотѣла сдаваться. И силою души своей она побѣждала свое отчаяніе, и казалось появлялись проворныя руки и свертывали вороньи шейки жестокихъ отчаянныхъ мыслей.

А тамъ у старика кто-то изъ воображаемыхъ партнеровъ, должно быть, сплутовалъ,—подмѣнилъ карту.

Старикъ перемѣнился съ лица, капелька пота выступила на его морщинистомъ лбу. Вскочилъ старикъ, смѣрилъ взглядомъ таинственнаго шулера, задрожалъ весь и, схвативъ подсвѣчникъ, высоко поднялъ, чтобы ударить негодяя.

— Я больше не могу спать!—въ третій разъ сказалъ Костя и переступилъ порогъ столовой.

И тутъ глаза старика, Христины и Кости встрѣтились. И, казалось, пространство, отдѣлявшее ихъ, наполнилось.

Вѣки ихъ сомкнулись. И огонь охватилъ душу старика, Христины и Кости. Не ворохнулись, не тронулись они съ мѣста, не смѣли отъ страха и отчаянія, словно и вправду кромѣ ихъ, сидѣли съ ними на пустыхъ стульяхъ три партнера—три шулера, по шулеру на каждого, назначенные самой судьбою.

Глава пятая.

Трудная и жуткая была ночь. Костя, вернувшись изъ столовой, одинъ боялся оставаться въ комнатѣ и перебрался къ Ивану Трофимычу.

Они лежали рядомъ на сундукѣ въ темномъ коридорчикѣ у чернаго хода между приказчиной и кухней.

Въ кухнѣ безалаберно-глупо болтали одnogирьные дешевые часы.

А въ дверь заметала метель и свистѣла, мела печь помеломъ, рвалась въ трубѣ и, словно скорчившись въ три погибели, визжала и выла жалобно, какъ искалѣченная собаченка.

— Эхъ, Костя,—вздохнулъ, пригорюнившись, Иванъ Трофимычъ,—Богъ мнѣ росту не далъ.

— Нѣтъ, очень просто быть маленькому и безъ всякаго Бога,—вздогнулъ Костя,—а будешь учиться и совсѣмъ испортишься. Я самъ, Иванъ Трофимычъ, куда выше былъ бы и статнѣе, я весь въ мать, а моя мать была высокая. Я, Иванъ Трофимычъ, до десяти годовъ не ходилъ, а такъ сидѣлъ, какъ клопъ, или лежмя лежалъ. И была у меня одна игрушка—свинка, изъ глины сдѣлана, свиночка, я съ ней и разговаривалъ, лежала свинка и слушала, свиночка...

— Маленькому и жениться нельзя, смѣяться станутъ.

— Смѣяться никто не смѣетъ, понимаешь ты, смѣяться запрещено.

— Такъ что-жъ что запрещено, у насъ въ деревнѣ на это не посмотрятъ, проходу не дадутъ, недоростокъ, скажутъ.

— А ты укуси.

— Я не собака, Костя, кусаться-то.

— Вотъ за это тебѣ Богъ и не даетъ росту, такъ и останешься карандашомъ, на всю жизнь останешься.

— А у насъ въ деревнѣ, Костя, у князя Мыловарова на балу всякіе огни зажигаютъ и наводненіе солнца дѣлаютъ. Разъ пропалъ князь безъ вѣсти, семь дѣнь искали, нигдѣ не нашли, и, наконецъ, объявился князь, гдѣ и не думали искать, объявился князь Мыловаровъ въ сараѣ, засѣлъ лягуноу нагишомъ въ собачьей конуркѣ, сидитъ, на цѣпь привязанъ... самъ себя, Костя, привязалъ на цѣпь, вотъ какъ!

— Князя твоего убить мало. Я бѣ ему все это отрѣзалъ! Какъ онъ смѣетъ? Кто ему позволилъ?

— И хуже еще бываетъ, Костя. Говорятъ, Костя, такая ужъ природа.

Въ кухнѣ завозились. И кто-то, шлепая босыми ногами, прошелъ по коридорчику.

— Мастеръ, — шепнулъ замерѣвшій отъ страха Иванъ Трофимычъ, — самъ Семень Митрофановичъ отъ кухарки Нюши, дастъ еще лупцовку!

— Я никого не боюсь! — также шопотомъ сказалъ Костя. Но мастеръ прошелъ, не тронулъ.

И когда снова затихло, повернулся Иванъ Трофимычъ къ Костѣ и, крѣпко прижавшись, дыхнулъ прямо въ лицо:

— Костя, скажи мнѣ, Костя, почему у тебя носъ кривой?

И то же самое, словно эхо, ударило тутъ за стѣною, и выкинувъ на улицу, пошло изъ воротъ въ ворота, размахнулось широко, закрутилось, и снова ударило тутъ въ головахъ.

Костя не двинулся.

— Ты бы, Костя, Богу молился.

Костя молчалъ.

— Ты молись Богу, Костя, о носѣ.

— Никогда я не молюсь,—огрызнулся Костя,—я не буду молиться.

— А знаешь, Костя, въ Бѣсиніи, страна такая есть Бѣсинія, живутъ люди куринасы, съ кривыми носами, и живутъ эти самые куринасы въ песку, тепло имъ и любо, въ песку несутъ они большущія яйца, гусиные... ими и питаются, гусиные, Костя.

Костя весь подбросился отъ злости.

— Гусиные и утиные,—засыпающими губами промямлилъ Иванъ Трофимычъ,—съ кривыми носами!—и засопѣлъ.

Весь коридорчикъ засопѣлъ съ Иваномъ Трофимычемъ.

Глава шестая.

Костя долго лежалъ съ открытыми глазами, прислушивался.

Тоска точила его сердце. И одна ужъ мысль покончить съ собою, эта одна единственная мысль, овладѣла всѣмъ его истерзаннымъ существомъ.

Вотъ онъ—Костя Клочковъ, имѣющій власть надъ временемъ съ его часами, запретившій смѣяться и грозившій всему міру одиночнымъ заключеніемъ, приковывающій къ себѣ людей лягушечьей лапкой, и наводящій трепетъ заячьей лапкой, онъ больше не вѣритъ въ свою великую власть. И какъ ему вѣрить: часы по-прежнему идутъ, какъ шли вчера и сегодня, по-прежнему всякій смѣется надъ нимъ, а Лидочка Лисицына такъ же далека отъ него, какъ и раньше. Да что таиться?—Лидочка ему и руку не подаетъ!

Нѣтъ, какъ-то по другому надо. Но какъ надо? Онъ продалъ бы душу чорту, проклялъ бы все на свѣтѣ, что

только прикажетъ проклясть чортъ, но видно и самъ чортъ отступился отъ него. Онъ одинъ остался и не можетъ справиться.

И къ чему ему жить? Зачѣмъ ему жить? Зачѣмъ вообще жить съ кривымъ носомъ?

Костя осторожно слѣзъ съ сундучка,—теперь никто не услышитъ!—пошарилъ вокругъ себя. Но ничего не нашелъ такого, чѣмъ бы прикончить себя. Ничего не было. И дрожа всѣмъ тѣломъ, словно обжигаясь холодомъ, побрелъ онъ вдоль стѣны и, бродя такъ, нащупывалъ руками стѣну. Но ничего не нашелъ такого, чѣмъ бы прикончить себя. Ничего не было.

И страшная неожиданная мысль иглою прошла черезъ его взбаламученный мозгъ: стало бытъ, онъ не можетъ найти себѣ смерть, онъ побѣдилъ смерть! И небывалое чувство восторга наполнило его душу:

„Безсмертный я—Костя Клочковъ, безсмертный!“

Чувство Кости, полное восторга, выросло въ крылья, и росли крылья и, казалось ему, поднимали его съ земли подъ потолокъ. Поднимался на крыльяхъ Костя—ноги его отдѣлялись отъ земли. И какой-то зеленый свѣтъ, зеленый до боли, проникалъ въ его тѣло.

„Безсмертный! Я—Костя Клочковъ безсмертный!“

— Безсмертный ты, Костя, всемогущій,—словно шепталъ кто-то Костѣ изъ зеленаго кольцомъ охватившаго его свѣта.

Наливался свѣтъ все зеленѣе и ярче, плылъ зеленымъ облакомъ и, въ мигъ обратившись въ огромнаго гада, вонзилъ когти въ Костю, подѣлъ его крылья и огненной красною пастью придавилъ подъ себя.

Костя грохнулся на полъ.

На грохотъ вскочила Катя, схватила лампочку, да изъ дѣтской въ коридорчикъ и, натыкаясь на стулья, скользнула мимо кроватей въ коридорчикъ.

— Костя! Костя!—хрипѣла Катя и пятилась къ двери,

хрипѣла и пятилась къ двери въ дѣтскую; растрепавшаяся вата клоками висѣла вокругъ ея шеи.

А Костя—въ упоръ смотрѣли заострившіеся глаза его и неподвижно. Онъ лежалъ у сундучка неподвижно, какъ мертвый. Ему казалось, гадъ, вышедшій изъ зеленаго, ярко-зеленаго облака, разверзъ огненно-красную пасть свою и поглотилъ его, и проглоченный гадомъ, онъ вертѣлся въ холодныхъ, скользкихъ гадовыхъ внутренностяхъ и вертѣлся, какъ заводная машинка, все шибче и шибче, и не могъ спохватиться...

Лампа, дрожа, погасла. Катя, отступая къ двери, скрылась. И осталось въ темномъ коридорчикѣ двое: Иванъ Трофимычъ на сундучкѣ и Костя у сундучка,—Костя, вертящійся въ гадовыхъ скользкихъ внутренностяхъ безъ остановки.

Трудная и жуткая была ночь.

Заметала метель, свистѣла, мела печь помеломъ, рвалась въ трубѣ и, словно скорчившись въ три погибели, визжала и выла жалобно, какъ искалѣченная собаченка. И вдругъ, надсадившись, выскакивала изъ трубы и мчалась на волю.

И кричала на волѣ метель и бѣсновалась.

Она раскидывала бѣлоснѣжныя руки, хлопала въ ладоши, и превратившись въ юркій клубочекъ, играя, катилась. Клубокъ не клубочекъ, не шаръ, а граната. Взрывало гранату,—и тысяча тысячъ летающихъ змѣекъ, тысяча тысячъ перелетающихъ вѣсточекъ-звуковъ, обманчивыхъ кликовъ, путанныхъ зововъ разносилось по волѣ.

Чьи-то стальные когти рвали желѣзныя крыши. Трещали подъ напоромъ ворота. Одиноко, бездомно кликалъ поѣздъ, застрявшій въ полѣ. Гудѣли—развѣвались проволоки телеграфовъ. Кто-то въ желѣзахъ съ гиканьемъ скакалъ, скокомъ выламывалъ рельсы, валилъ столбы.

Сыпало и сыпало снѣгомъ.

Въ бѣшеномъ метельномъ полѣ подь осинкой лежалъ заяцъ, закидался заяцъ хворостомъ, не знаетъ, что ему дѣлать, — поджимаетъ бѣлыя лапки.

А метельное поле бѣсилось.

Съ вечера до пѣтуховъ, съ первыхъ пѣтуховъ до свѣту нѣтъ и не будетъ покою, глубоко метель зачерпнула, не уплясаться, не умориться, — дано ей сто лѣтъ вѣку.

А высоко надъ полемъ, надъ домами, надъ городомъ, на высокой Соборной колокольнѣ дико колотило въ часовой колоколъ. Чьи-то длинные острые пальцы крутили взадъ и впередъ, какъ попало, старыя часовыя стрѣлки.

И часы шли, и часы, не выбивъ положеннаго боя, били.

Часы не могли стать и въ смятеніи били.

Они не знали срока, не знали, какъ люди не знаютъ, что будетъ завтра, что вчера было, гдѣ будутъ, гдѣ были, кто завелъ ихъ, кто поставилъ, кто назначилъ на незнамую жизнь — бездорожье.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава первая.

Постояннымъ гостемъ у Клочковыхъ съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлался Нелидовъ. Всякій вечеръ онъ заходилъ къ нимъ чай пить. Помочь въ дѣлѣ онъ не могъ—у него и денегъ не было и ничего не смыслилъ онъ въ торговыхъ оборотахъ—но безъ него не обходилось ни одно дѣло. Христинѣ надобенъ былъ человекъ, кому могла бы она рассказать о своихъ несчастіяхъ, а когда нечего было рассказывать, ей надо было, чтобы кто-нибудь былъ съ нею.

Христина жила въ какомъ-то напряженномъ страхѣ, утромъ она подымалась съ такимъ чувствомъ, что, если бы ей вовсе не встать, пожалуй, было бы всего лучше. И цѣлый день до вечера ни на минуту не было ей покою: каждую минуту могли явиться новыя требованія и отыскаться такія платежи, о которыхъ и не предполагалось. Она никогда не знала дѣловой жизни и только случайность толкнула ее къ дѣлу, только случайность поставила ее за прилавокъ. А Клочковское дѣло было изъ рукъ вонъ запутано и разобратся въ немъ въ пору развѣ какому-нибудь сосѣду Зачесову, который во всякихъ дѣлахъ собаку съѣлъ. Тутъ и не такая голова закружится. И кромѣ того, Христина просто хотѣла

жить, а торговая кабала пригибала ее, а страхъ и заботы прихлопывали ее. Она все это чувствовала и не знала, какъ освободиться ей изъ своей горчайшей неволи, и конца не видѣла. Кому же она расскажетъ? Сергѣю? Сергѣю писать объ этомъ рука не подымалась. Самъ онъ, правда, устроился и безопасно, но скверно, для себя-то скверно, самъ въ каждомъ письмѣ жаловался. Оставался Нелидовъ—Нелидовъ былъ единственный человѣкъ, съ кѣмъ она могла сказать хоть слово.

— Если бы вы все знали, Владимиръ Николаевичъ,—Христина остановилась, ей не выразить словами всего, что живетъ и терзается въ ней,—но вы должны мнѣ объяснить!—и задумалась, а глаза просили, требовали отвѣта у него.

Нелидовъ молчалъ. Все, что могъ бы сказать онъ, ужъ не разъ говорилъ, и было не тѣмъ и не нужно. Объясненія только путали и растрavляли. И какъ объяснить человѣку самое необъяснимое—судьбу его: почему такъ съ нимъ дѣлается, а не этакъ, почему повалились на него всякія несчастія, а раньше все было хорошо, почему именно онъ, а не другой выбранъ для какихъ-то наказаній и зачѣмъ всѣ эти наказанія? И Нелидовъ молчалъ. Онъ прошелся по комнатѣ и опять сѣлъ.

А она смотрѣла въ свою душу и голосъ ея вдругъ такъ зазвучалъ, будто слова ея, еще ни разу не видя свѣта, только теперь впервые рождались.

— Непонятна мнѣ жизнь, когда нѣтъ васъ,—говорила она,—я живу и дѣлаю все сама не своя, я жду васъ, и не васъ, а ваши слова. Слова мнѣ не нужны, голосъ. Я не вижу васъ, только слышу, я вижу другого. А когда мнѣ мѣшаютъ васъ слушать, я не знаю, что со мною дѣлается, не узнаю ужъ себя... Страшно за себя. Вы знаете, что такое страшно за себя?

Нелидовъ вдругъ почувствовалъ ея особенный го-

лось — такимъ голосомъ она съ нимъ никогда не говорила, и заволновался.

— Я вамъ не рассказывалъ мой сегодняшній сонъ? — сказалъ онъ первое, что пришло въ голову.

— Нѣтъ, не рассказывали, — и она смотрѣла на него, готовая, кажется, все слушать и сонъ его и не сонъ, все равно.

— Мнѣ приснилось ночью, — сказалъ Нелидовъ, — будто попалъ я куда-то на поле, кругомъ зрѣлый хлѣбъ, а въ колосьяхъ колымаги, въ колымагахъ мужики стоятъ на колѣняхъ, головы пригнули, рубахи у всѣхъ задраны. И тутъ же у колымагъ кучка народа, топчутъ сапогами колосья, и выдѣляются мужики въ плисовыхъ шароварахъ, присѣдаютъ, будто пляшутъ, и, что есть мочи, дубастятъ валиками по обнаженнымъ спинамъ мужиковъ въ колымагахъ. Дальше опять колымаги, въ нихъ лежатъ мужики въ лиловыхъ кафтанахъ, задрали ноги, ждутъ своей очереди. И такое тускло-желтое низкое небо. И я хожу отъ колымаги къ колымагѣ — по полю и нѣтъ конца полю.

Христина слушала его, казалось, проникала за слова, и поглаживала свои скрещенныя руки, будто унимая ихъ. А онъ не узнавалъ своего голоса. Ему слышно было ея дыханіе.

И странныя тѣни проходили по ихъ лицамъ, эти тѣни были похожія.

За стѣною вдругъ заколотило клокотанье кашля и, протянувшись въ долгомъ стонѣ, завертѣлось въ перхотнѣ и кашлѣ.

Христина поднялась съ мѣста и подошла такъ близко къ нему — къ самымъ глазамъ его.

— Вся душа изболѣлась, — говорила она, — старикъ хрипитъ, тамъ больная Катя задыхается, тутъ этотъ Костя ходитъ, не вижу конца, — сложила руки, — сдѣлайте такъ, ну сдѣлайте, чтобы этого не было, хоть на нѣсколько дней,

хоть на минуту, на минутку!—и крѣпко-крѣпко прижалась къ нему.

— Кого я вижу!—Костя, незамѣтно вошедшій въ столовую, стоялъ передъ ними и дергался.

Христина отскочила. И Христина и Нелидовъ говорили что-то и не слышали своего голоса: вѣдь Костя все видѣлъ и зналъ.

Фрося внесла подогрѣтый самоваръ. Заняла Христина свое обычное мѣсто. И понемногу улеглось на душѣ.

Костя подсѣлъ къ Нелидову.

— Угадайте, гдѣ я сейчасъ былъ?—ёрзалъ Костя на стулѣ.

Нелидовъ улыбнулся:

— На лунѣ что ли, Костя?

— У планетчика!—глаза у Кости сверкали.

— На, бери!—Христина передергивала плечами, подавая Костѣ кружку съ чаемъ.

Костя не обращалъ вниманія, и чай расплескался.

— Что же твой планетчикъ сказалъ?—спросилъ Нелидовъ.

— По планетной книгѣ,—Костя надулъ щеки,—планетчикъ все знаетъ по планетной книгѣ, одна кухарка тутъ желѣзнодорожная спрашивала его, а онъ раскрылъ планетную книгу и говоритъ ей, попадетъ она будто на содержаніе къ оберу, ха-ха-ха, на содержаніе къ оберу, а ей не хотѣлось, пришла она домой отъ планетчика, взяла да и удавилась.

— Костя!!—стукнула кольцами Христина,—перестань, слышишь!

— Знаете, Владимиръ Николаевичъ,—продолжалъ Костя,—онъ совсѣмъ простой, онъ говоритъ, что у меня на ладошкѣ звѣздочка, вотъ поглядите!—растопырилъ руку,—а у Сережи... у Сережи, знаете, наканунѣ отъѣзда спички на рукѣ вспыхнули, цѣлая коробка. Дайте-ка вашу руку!

— Костя, выпей чай и отправляйся спать!—строго перебила Христина.

— Дайте вашу руку, дайте руку!—ловилъ онъ руку Нелидова и вдругъ, поблѣднѣвъ, оттолкнулъ стаканъ,—не буду я пить вашего гадкаго чаю!—и, весь дрожа, съ гордаго сердца всталъ и, топая, пошелъ изъ комнаты.

И Костина топотня еще не замолкла, зашлепали туфли, словно крался старикъ въ столовую, чтобы накрыть Христину и Нелидова.

Нелидовъ поднялся. Переглянулись другъ съ другомъ. Она поглядѣла на него долго и понятно: онъ понялъ — и безъ всякихъ словъ ясно, она его любитъ.

— До завтра!

А старикъ униженно кланялся. Очень сѣтовалъ старикъ, что Нелидовъ уходитъ такъ рано: можетъ быть, сыграли бы партію, а то ему одному скучно, не съ кѣмъ скоротать вечерокъ.

— Завтра! Завтра я буду у васъ, хоть всю ночь!—прощался Нелидовъ.

Глава вторая.

Тяжелое нависло молчаніе.

Христина, проводивъ Нелидова, заняла свое обычное мѣсто. Старикъ, едва дотащившійся къ столу, сидѣлъ весь скрюченный, страшный, а щетинистыя брови его торчали, какъ тараканьи усы.

И были они другъ для друга тѣми ненужными вещами, той помѣхою, отъ которой просто не знаешь, какъ отбѣяться, были они другъ для друга тяжкимъ игомъ, крестомъ, даннымъ отъ Бога за какія-то грѣхи, должно быть, на всю жизнь.

Старикъ потянулся было за хлѣбомъ, и, гримасничая, ртомъ себѣ помогаль, но такъ ничего и не могъ достать.

Невкусно пилъ старикъ пустой чай.

— Вы знаете, — рѣзко сказала Христина, — Катя безнадёжна, она тутъ умреть, ее сейчасъ же надо отправить на югъ, докторъ сказалъ, знаете, что у ней за болѣзнь и отчего она больна.. вамъ-то это и знать!

Старикъ, уставясь стеклянными глазами на сухарницу, горько пожевываль губами.

— Магазины опишуть, платить нечѣмъ, и надо что-нибудь съ этимъ сдѣлать,—она кивнула на Костинъ порожній стулъ,—онъ съ ума сойдетъ, понимаете? Вѣдь, онъ, Богъ знаетъ, что надѣлаетъ. Третьяго дня ночью съ нимъ случился припадокъ, думали, ужъ не встанетъ, и Катю перепугаль — ей стало хуже. Вы понимаете? И бредитъ онъ, Богъ знаетъ, что! Онъ домъ сожжетъ, онъ всѣхъ насъ на тотъ свѣтъ отправить. А я не могу больше, у меня своя жизнь. Вѣдь вы прожили свою жизнь, я тоже хочу жить, наконецъ, у меня свой ребенокъ.

Вспомнивъ о своей Иринушкѣ, съ которой за послѣднее время такъ мало приходилось ей бывать, Христина бросила старика, пошла къ себѣ. И заглянувъ мимоходомъ на себя въ зеркало, покраснѣлась вдругъ потупилась.

— До завтра!—повторяла она слова Нелидова,—до завтра!

А въ спальнѣ было неуютно и разбросано.

Сжалось сердце.

Наклонилась она надъ своей бѣленькой крошкой, вспомнила она, какъ молились когда-то вмѣстѣ за папу, за маму и за птичку. И улыбнулась.

— Потягунушки—повалянушки, птичка моя маленькая, ненаглядочка, курносенькая!

И долго стояла Христина надъ кроваткою Иринушки.

Не хотѣлось спать. Но лишь только легла въ постель, охватила ее глубокій сонъ.

Снилось ей, будто она на вокзалѣ. Дожидается она поѣзда. Полный вокзалъ. Кто-то говоритъ: это молодыхъ провожаютъ. Вдругъ раскрывается дверь, и толпа маленькихъ дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьцахъ, держась другъ съ дружкой за руки, кольцомъ окружаютъ ее. И въ это время звонокъ: первый, второй, третій. И какое-то будто предчувствіе, что она опоздала и поѣздъ уйдетъ, подбрасываетъ ее,—она прорываетъ живое кольцо дѣтскихъ рукъ, расталкиваетъ дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьцахъ, но ужъ поздно, она не видитъ ужъ поѣзда, поѣздъ ушелъ. Она видитъ: въ свѣтѣ какихъ-то невиданныхъ рефлекторовъ движется по полотну, словно видѣніе, процессія,—все тѣ же дѣвочки въ бѣлыхъ платьцахъ, а посреди ихъ невеста, только у невесты лица нельзя разглядѣть, лицо закрыто фатою. И опять звонокъ: первый, второй, третій. И кто-то ясно и отчетливо называетъ ее по имени. И она догадывается, что невеста подъ фатою—она сама. И кто-то снова ясно и отчетливо называетъ ее по имени.

Вздвогнувъ, будто отъ страшнаго толчка, Христина открыла глаза и ясно почувствовала: гдѣ-то въ темнотѣ у стола сидѣлъ кто-то и, не имѣя ужъ силы сдержаться, тихо безутѣшно плакалъ—и пришелъ украдкою и плакалъ украдкою, плакалъ, какъ тотъ, кто любитъ и никогда не встрѣтитъ отвѣтной любви.

И она ужъ не можетъ закрыть глазъ, и не зажать ей ушей, она лежитъ, какъ проснулась, вся горитъ, а сердце во тьмѣ будто и знаетъ что...

Но что можетъ знать сердце — сердце, — его часто обманываютъ!—сердце,—оно само часто обманываетъ!

Это она сама тихо плакала, какъ тотъ, кто любитъ и никогда не встрѣтитъ отвѣтной любви.

Глава третья.

Нелидовъ, выйдя отъ Клочковыхъ, пошелъ не прямо домой, онъ долго бродилъ по городу.

Звѣздный свѣтъ лежалъ по снѣжной мостовой. И улицы казались гладкой каменной дорогой, а дорога будто безъ конца идетъ—никогда не кончится.

Снѣжная пыль, звѣздно разсыпаясь, неслась навстрѣчу. Съ тонкимъ визгомъ налеталъ вихрь и, пропадая, снова подымался.

Вѣтеръ страстно пѣлъ, не жалуясь, не горя, и слышалось Нелидову въ его голосѣ одно слово, одно непреклонное рѣшеніе, одна воля: лю б и т е!

И кто-то внезапно окликалъ его по имени, куда-то прятался, и снова слышался голосъ, — Нелидовъ слышалъ голосъ Христины.

И мчались по дорогѣ, нагоняли кони. Ихъ бѣшеный храпъ взрывалъ воздухъ.

А звѣздный свѣтъ трепеталъ на стѣнахъ домовъ, на камняхъ тротуаровъ и у него въ глазахъ.

Вѣтеръ страстно пѣлъ, не жалуясь, не горя. И слышалось Нелидову въ его голосѣ одно слово, одно непреклонное рѣшеніе, одна воля: лю б и т е!

И вдругъ въ душѣ его завязалась борьба. Казалось, силы души его, отпущенныя Богомъ на его жизнь, поднялись другъ противъ друга, схватились силы души его, которыя движутъ человѣкомъ и останавливаютъ, заманиваютъ на гору и подталкиваютъ въ яму, сажаютъ на царскій тронъ и прогоняютъ въ ночлежку, предупреждаютъ бѣду предчувствіемъ и обманываютъ самое острое чутье, владѣютъ знаніемъ и топчутъ всякое знаніе, и труня и издѣваясь надъ человѣкомъ, заставляютъ плясать подъ ихъ скоморошью дудочку, а послѣ рѣшатъ отъ отчаянія на себѣ волосы.

И словно звѣздный свѣтъ играя у него въ глазахъ.

вскрывалъ съ его глазъ пелену за пеленою и, расчищая муть, открывалъ ему пути къ тайникамъ его собственной души въ скрытыя ея жилища и неслышныя.

Пытливый голосъ заговорилъ въ его душѣ:

„Вотъ ты думалъ, будто всю свою жизнь грезилъ ты и, какъ Иринушка выкликаеть солнце, выкликалъ для себя и другихъ чувство тихой дѣтской радости, безъ которой нѣтъ и не можетъ быть оправданія безостановочной борьбѣ и смерти; вотъ ты думалъ, что послѣднимъ словомъ въ награду земнымъ бѣдамъ и всякому несчастью, претерпѣваемому человѣкомъ, будетъ слово Солнца праведнаго тихое, какъ радость Иринушки, и полное любви и утѣшенія: *придите!* — вотъ ты думалъ, будто для того, чтобы сумѣть прожить, надо себѣ храмъ построить и повѣрить въ его несокрушимость и ужъ ничего другого не замѣчать и не чувствовать—не обращать вниманія на визгъ искалѣченной трамваемъ собаченки. иначе все пойдетъ прахомъ—несокрушимый храмъ рухнетъ и изъ личика Иринушки глянетъ на тебя обезьянья рожа и, позѣвывая, приметъ тебя въ свои объятія; вотъ ты думалъ, будто сердце у тебя не сильное и пожеланія твои не могутъ сбыться—чужой смерти ты силою сердца своего остановить не могъ, да и самъ умереть не могъ и не можешь, потому что захряснулъ въ водоворотѣ всякихъ мелочей и грызни, лишь бы жить, тебѣ, одному изъ тысячи похожихъ и отличающихся лишь по фамиліямъ, тебѣ, бывшему чиновнику, актеру и учителю, тебѣ, нѣкому господину Нелидову, тебѣ, одному изъ тысячи бывшихъ, настоящихъ и будущихъ,—и ты всегда былъ правъ. Ты одно только упустилъ изъ виду и очень важное, что въ сущности искалъ ты въ жизни и во снѣ видѣлъ и добивался всю свою жизнь исключительно и только такую—Христину. И теперь ты ее нашелъ. И подумай, ты—счастливецъ, она раскроетъ передъ тобою такія сокровища, о которыхъ не смѣлъ ты и грезить. Она

считается первою красавицей города, она и дѣйствительно первая красавица города, она—женщина до самыхъ глубинъ своихъ душевныхъ, она такая, какую ты искалъ въ жизни, во снѣ видѣлъ и добивался всю свою жизнь, она—Христина. И подумай, ты—счастливецъ, у тебя духъ захватить и тебѣ ужъ не надо будетъ, какъ хотѣлъ ты, ничего не измѣняя уйти изъ этого міра, не надо будетъ перевертывать міръ, какъ хочетъ этого несчастный Костя, и безъ всякихъ усилій съ твоей стороны все, что живетъ и борется и творитъ, станетъ твоимъ и тебѣ покорится. Ты—счастливецъ, станешь міромъ и царемъ и богомъ.

— Міръ! Царь! Богъ!—выкрикнулъ Нелидовъ

А пытливый голосъ продолжалъ свою прямую рѣчь въ его душѣ:

„Сергѣй не могъ оцѣнить ее, а ты разберешься тонко, у тебя, вѣдь, тонкій вкусъ и вѣрный глазъ, ты мигомъ откроешь все богатство ея качествъ. Вотъ ты полагаешь, что разница между тобою и Сергѣемъ только въ томъ, что онъ никогда не зналъ и не знаетъ самого себя, а ты будто даже и не помнишь, чтобы не зналъ себя. И какъ горько ошибся! Хорошо твое знаніе, когда самое главное, самое существенное въ себѣ—цѣль всей своей жизни упустилъ, проглядѣлъ—слона не замѣтилъ! Нѣтъ, ты тоже не знаешь самого себя, какъ и Сергѣй не знаетъ самого себя, какъ и всякій не знаетъ самого себя. Богъ только знаетъ себя да шарлатанъ, когда шарлатанить, только всего и есть, двое! Нѣтъ, разница между тобою и Сергѣемъ какъ разъ въ томъ, что ты обладаешь высокимъ даромъ оцѣнки и, дѣйствительно, умѣешь различать вещи, и только ты и никто другой оцѣнишь Христину. И развѣ Сергѣй любитъ ее? Развѣ, когда любятъ, ищутъ другихъ? Ты припомни-ка хорошенько! Помнишь, онъ тебѣ въ Новый Свѣтъ предлагалъ ѣхать? „Поѣдемъ, Володя, въ Новый Свѣтъ поразвлечься?“ И это чуть-ли не за день до своего отъѣзда! Она, конечно, ничего не знаетъ,

она даже не допускаетъ мысли, чтобы Сергѣй измѣнялъ ей. Но она тоже не любитъ его, она только внушаетъ себѣ, что любитъ. Женщина безъ этого не можетъ жить, ей всегда и непремѣнно надо любить, ну, будто любить. И она любитъ А ты... ты ее, дѣйствительно, любишь?“

— Любите! — словно настаивалъ вѣтеръ; слышалось Нелидову въ его голосѣ одно это слово, одно непреклонное рѣшеніе, одна воля: любите!

— Я люблю ее, я больше жить безъ нея не могу, я люблю ее!—шепталъ Нелидовъ.

А въ душѣ его пытливый голосъ не умолкалъ:

„А если бы нашлось что-нибудь получше, ну помоложе, ну въ родѣ Кати, ровестница Кати, ты какъ поступишь бы?“

Нелидовъ пріостановился,—бурлило въ душѣ.

„Значить, ты ее не любишь. Когда, дѣйствительно, любятъ, по-настоящему любятъ, такъ что и жить безъ любимого человѣка не могутъ, ей-Богу, ни о чемъ не раздумываютъ и ужь, само собою, не разсуждаютъ“.

Нелидовъ вдругъ ускорилъ шагъ: кипѣло гдѣ-то, въ самомъ сердцѣ гдѣ-то, вся его душа металась.

„Да ты помнишь ли, зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда и какъ попалъ въ городъ и зачѣмъ понадобился тебѣ Сергѣй? Вѣдь это ты говорилъ о себѣ, будто ты въ какой-нибудь годъ, два все, что можно было потерять въ жизни, все, кажется потерялъ. Но что такое твое все? Ты былъ чиновникомъ, актеромъ, учителемъ. И если бы провалились всѣ казенныя учрежденія, тебѣ это—наплевать, да? И если бы всѣ театры погорѣли, тебѣ это—все равно, да? И если бы упразднили всѣ школы, тебѣ это—безразлично, да? Ну, не наплевать, ну, не все равно, ну, не безразлично... Все-таки изъ-за этого ты не побѣжалъ бы къ лобному мѣсту—помнишь, какой тебѣ сонъ приснился—не надо было бы тебѣ проталкиваться къ лобному мѣсту, у старухи-смерти просить себѣ помощи,

Да и она, старуха, ой, какая хитрая старуха, куда ужъ тамъ турнуть отъ себя, да голубчикомъ называть, просто плюнула бы тебѣ въ лицо: убирайся, молъ, ко всѣмъ чертямъ, такихъ я не ѣмъ! И тебѣ не стыдно, ты только теперь вспомнилъ о своей невѣстѣ, только теперь все вспомнилъ, только теперь у тебя задрожали губы, только теперь ёкнуло сердце. Вотъ какъ ты себя знаешь! Вотъ какъ себя знаютъ люди! Синяя ночь... Ты помнишь, ты отъ тоски готовъ былъ землю грызть, а земля уплывала изъ подъ твоихъ ногъ, и ходилъ ли ты надъ пропастью или по горамъ лазилъ, израненный весь или безъ единой царапинки, ты не чувствовалъ, не замѣчалъ ничего. Да ничего и не было, замѣчать-то нечего было, ее не было — невѣсты твоей. И ты побѣждалъ къ старушенкѣ: старушенку - смерть о милости просить. А когда она жива была, когда она стала твоей невѣстой, ты помнишь, вѣдь она казалась тебѣ вся въ сіяніи, ты вѣнчикъ вокругъ лица ея вѣдѣлъ, какой вѣнчикъ у святыхъ на образахъ пишется, и не было въ ней ни одного уголка, котораго ты не хотѣлъ бы сдѣлать своимъ. Да, ты хотѣлъ всю ее, чтобы вся она была въ тебѣ, твоею въ полномъ смыслѣ слова, нераздѣльною съ тобою, неотвязываемою, неотщипаемою отъ тебя и не въ какомъ-нибудь тамъ механическомъ соединеніи съ тобою, а химически какъ-то соединенною съ тобою, потому что ты любилъ ее, дѣйствительно, по-настоящему. А любить и не хотѣть такъ овладѣть любимымъ человекомъ невозможно. А овладѣть такъ человекомъ и уничтожить его — одно и то же. И это ты зналъ. И, зная, что ты чувствовалъ? Что тамъ закипало у тебя на сердцѣ — какая ревность? Эта безпросвѣтность, эта мука, что вотъ все же она — отдѣльна и можетъ оставаться сама съ собою, можетъ глядѣть на предметы, и на нее могутъ глядѣть люди, наконецъ, можетъ думать о чемъ-то... Ты помнишь, ясные дни

чернѣли отъ твоей скорби, отъ твоей ревнивой скорбной мысли, что она—сама по себѣ, и эта мысль прожигала тебѣ все сердце. Ты любилъ ее, вотъ ее ты любилъ, дѣйствительно, по-настоящему! Синяя ночь... А ты помнишь, жаркій іюльскій полдень, ты возвращался съ кладбища послѣ похоронъ. И тебя нагнали гробовщики. Гробовщики возвращались съ кладбища домой. Они тряслись на пустой колесницѣ. Лица у нихъ были изможденные, ворота ихъ бѣлыхъ кафтановъ разстегнуты и выглядывала грязная кумачная рубаха. Они были голодные. Одинъ на катафалкѣ уписывалъ калачъ... И улицы тебѣ казались такими узкими, а небо такимъ низкимъ. Ее больше не было. Она умерла. Но любовь никогда не умретъ. Если ты полюбилъ, дѣйствительно, по-настоящему, любовь твоя однажды и навсегда. Ты можешь сколько угодно обманывать себя, ты можешь на время заглушить ее, но вытравить, убить ее—нельзя. Любовь никогда не умретъ. Но какъ вернуть ту, которую потерялъ однажды? Да, какъ ее вернуть!—Никогда не вернешь .

— Любите! — словно настаивалъ вѣтеръ; слышалось Нелидову въ его голосѣ одно это слово, одно непреклонное рѣшеніе, одна воля: любите!

„Да, никогда не вернешь! Но кто себѣ скажетъ: нельзя вернуть! Ты счастливый, ты встрѣтилъ ее, потерялъ, ищешь, хоть и не найдешь. А есть такіе: никогда не встрѣчали и не положено имъ встрѣтить,—такіе равнодушные. А есть еще несчастные: встрѣтить-то они встрѣтили, но взять не могутъ... Христина несчастна. Но не оттого она несчастна, что у ней нѣтъ денегъ, и домъ на ея рукахъ — старикъ и Катя и Рая и Костя и Мотя, и долговъ по горло. Дѣло не въ деньгахъ. Слава Богу, что нѣтъ у нея денегъ. Этотъ домъ и эти долги дадутъ ей теперь сорвать сердце, свалить на что-нибудь всю тяжесть своего проснушагося, полюбившаго сердца. Она тоже встрѣтила, она тебя встрѣтила. Она тебя полюбила. Она полюбила тебя однажды и навсегда. Но ты,

ты ее не любишь,—такъ чего же ты хочешь? Въ послѣдній разъ говорю: чего же ты хочешь?“

— Любите! — словно настаивалъ вѣтеръ; слышалось Нелидову въ его голосѣ одно это слово, одно непреклонное рѣшеніе, одна воля: любите!

И опять бѣшеный храпъ взрывалъ воздухъ: мчались по дорогѣ, нагоняли кони. А звѣздный свѣтъ трепеталъ на стѣнахъ домовъ, на камняхъ тротуаровъ, и у чего въ глазахъ.

И всю ночь пробродилъ Нелидовъ по безлюднымъ улицамъ, по каменной дорогѣ, — его дорога безъ конца шла и, казалось, никогда не кончится.

Она, какъ живая, возникала передъ нимъ. Онъ слышалъ ея сердце. И сердце его колотилось и колотилось, словно хотѣло оно пробиться на волю.

Снѣжная пыль, звѣздно разсыпаясь, неслась навстрѣчу
Звѣзды и вѣтеръ.

Звѣздное небо тихо вѣнцомъ сіяло. Тамъ Пречистая Дѣва—Божія Матерь шелковую вышивала пелену—Божію ризу. По середкѣ Она ставила блески, по краямъ ряды. Три ангела, три серебряныхъ, правымъ перомъ крыльевъ осѣняли Пречистую Дѣву — Божію Матерь. Звѣздное небо тихо вѣнцомъ сіяло.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Глава первая.

Видно, не нашлось у докторовъ малиновыхъ фонарей, которыми, какъ слышно, можно прогонять самую страшную злую напастницу—оспу. Или ужъ Катѣ никакіе фонари не помогутъ, засвѣти ихъ, хоть сотню, и малиновыхъ и всякихъ другихъ красныхъ цвѣтовъ.

Болѣзнь, со дня на день разрастаясь, точила Катю.

Бѣдная милая Катя—несчастливая дѣвушка! Не сказала она своихъ тайныхъ горячихъ дѣвичьихъ словъ, не излила она свое любящее сердце, полное ключей, закипавшихъ и готовыхъ разлиться и озарить свѣтомъ своимъ весь міръ.

Бѣлый чуть брезжущій свѣтъ свѣтилъ въ дѣтскую черезъ маленькое, закутанное снѣгомъ окошко. А когда оттаетъ окно и сойдетъ снѣгъ и выглянетъ солнце. Кати ужъ не будетъ.

Бѣдная милая Катя—несчастливая дѣвушка! Да кто же виноватъ въ ея жестокой судьбѣ, въ ея наступающей ненужной, непонятной, непостижимой смерти? Старикъ отецъ любилъ ее, старикъ не хотѣлъ ей смерти. И все вѣдь такъ случайно вышло. Когда-то давнымъ давно, вскорѣ послѣ женитьбы, проѣхалъ старикъ по торговымъ дѣламъ въ Петер-

бургъ и въ первый же свой Петербургскій день, какъ Мотя, послѣ веселаго развлеченія съ какою-то ночью-дамой съ Невскаго, захворалъ. И развѣ онъ предполагалъ что-нибудь, развѣ онъ думалъ о какихъ-нибудь непріятныхъ послѣдствіяхъ? Нѣтъ, старикъ совсѣмъ не виновенъ. Да кто же въ концѣ концовъ виновенъ?

Скоро будетъ весна, скоро выглянетъ солнце, но ни весны, ни солнца Катя не увидитъ. Ее перевезутъ на югъ— въ теплый край. Докторъ сказалъ, чтобы немедленно отправили ее въ теплый край. Можетъ быть, она и поправится, можетъ быть, и вернется... Конечно, все возможно!

Бѣдная милая Катя—несчастливая дѣвушка!

Катя дремала въ своемъ глубокомъ креслѣ.

Большіе глаза ея были слишкомъ духовны, не было въ нихъ ни капельки крови, а брови рѣзкія на обтянутой кожѣ чернѣлись, какъ двѣ черныя часовыя стрѣлки, остановившіяся на двадцатой минутѣ девятаго часа, и вся она была какою-то непрежней, и какія-то ненужныя, какія-то заостренныя кольца висѣли на ея исхудалыхъ пальцахъ, то и дѣло соскакивая.

Большіе глаза ея будто и думали о чемъ-то глубокую думу, но мысли шли тихія, переходили мысли грань жизни и, съ каждымъ часомъ приближаясь къ чему-то другому, теряли свою обычную рѣчь.

Катя ихъ не могла разобрать. И глубокое равнодушіе проникало все ея существо.

Катя ничего не хотѣла, ее ничто не влекло, ее ничто не приковывало, словно за душою у ней ничего и не было, ровно ничего, о чемъ бы вспомнить, потужить, помечтать можно было. Она не помнила вчерашнихъ дней, ни курорта ни студента Кузнецова, ни брата своего Сергѣя. И пусть за окномъ снѣгъ идетъ, и на гвоздикѣ въ углу коньки висятъ, ей теперь все равно.

Черные Катины часики на тумбочкѣ, у кровати шли—

шептали покойно и вѣрно отъ часа до часа: имъ былъ ужъ отмѣренъ путь, и не о чемъ было имъ, чернымъ, заботиться.

Былъ праздникъ. По случаю праздника у Ключковыхъ пекли пироги и изъ кухни несло пирогами да жаренымъ; жирный запахъ съѣдобнымъ ложился горечью во рту, гдѣ-то на языкѣ Кати.

Въ домѣ было пусто, старикъ спалъ, одинъ Костя, не находя себѣ мѣста, гдѣ-то наверху слонялъ слоны, топалъ глухо, будто стучалъ молоткомъ, да Ньюша, кухарка, отрываясь отъ печки, забѣгала понавѣдаться. Но и кухарка Ньюша пропала—пошла она на погребъ за капустой, изсякъ и стукъ шаговъ наверху.

Шель снѣгъ, окно порошилъ, уменьшалъ и безъ того чуть брезжущій маленькій свѣтъ.

Былъ полдень, а похоже было на вечеръ.

И вотъ тихонько пріотворилась дверь въ дѣтскую. Озираясь и какъ-то безпокойно вошла въ дѣтскую какая-то незнакомая женщина, покрытая платкомъ.

Катя хотѣла поздороваться съ вошедшей незнакомой женщиной, но языкъ не шевельнулся и только губы, кривясь, разъ улыбнулись.

„Должно быть, та самая сидѣлка, съ которой отправятъ меня въ теплый край“,—подумала Катя и успокоилась.

Незнакомая женщина—сидѣлка, не торопясь, усѣлась противъ Кати.

— Пора, барышня,—сказала сидѣлка,—въ дорогу пора, въ теплый край, тамъ тепло, хорошо, ужъ такъ хорошо, милая барышня, трудно и представить себѣ. Тутъ у насъ ничего этого нѣтъ, тутъ у насъ и дышать нечѣмъ, такъ-то, милая барышня.

Катя вглядывалась въ незнакомую—въ свою сидѣлку, и казалось ей, ужъ видѣла она ее однажды, только не припомнить, когда видѣла.

— Тамъ весна, милая барышня, тамъ всегда весна. А

когда, дастъ Богъ, вернешься, опять къ намъ сюда прїѣдешь, ты будешь другая, ты будешь такая свѣтленькая... — голосъ сидѣлки пресѣкся, она протянула руку къ тумбочкѣ, мѣтко схватила черные Катины часики и, зажавъ въ кулакѣ часики, поднялась со стула высокая, гордая, размахнулась и бросила часики объ полъ,—тамъ нѣтъ этого!

Катя дрожала, какъ листъ: изъ-подъ сбившагося платка у сидѣлки бѣлѣлъ тугой бинтъ, какъ у покойной матери.

— Тамъ нѣтъ этого! Тамъ нѣтъ времени!—и, стукнувъ каблукомъ, сидѣлка расплющила часики.

И бѣлый, чуть брезжущій свѣтъ, проникавшій въ дѣтскую черезъ маленькое, закутаное снѣгомъ, окошко, погасъ.

— Катя, Катечка, что съ тобою? — Христина, вернувшись изъ церкви отъ обѣдни и, найдя Катю въ глубокомъ обморокѣ, стала на колѣни, взяла ея руку.

Очнувшаяся Катя тихо, покорно плакала.

— Вотъ и поѣдемъ, Катечка, сегодня поѣдемъ въ теплый край, тамъ хорошо, тамъ тепло, хочешь и я съ тобою?

— Нѣтъ!—задрожала вся Катя,—нѣтъ, Христина, тебѣ еще рано!

— Ну, успокойся, Катя, твое рожденье сегодня, поздравляю тебя!

Катя тихо, покорно плакала.

Она ужъ слышала свои тихія мысли, она понимала ихъ, а тихія мысли ея переходили послѣднюю грань жизни и теперь открывали ей свой другой, ей только понятный голосъ.

Черные часики на тумбочкѣ у кровати не шли — стояли.

Глава вторая.

Съ полдня весь остатокъ дня прошелъ у Ключковыхъ въ сборахъ и приготовленіяхъ.

И было такъ, будто вошло въ домъ огромное счастье, всѣ были почему-то страшно веселы и, хотъ стѣснялись свою радость показывать, да утаить не утаишь ее.

Иринушка раскудахталась, что курочка, глухой Мотя пѣлъ, все забираясь выше и выше до какихъ-то невѣроятныхъ птичьихъ верховъ, Рая помогала ему—безголосая выводила трели желудочно-писклявымъ голоскомъ, и оба, входя въ ражъ, вдругъ подымали хохотъ на лошадиныхъ нотахъ.

Христина, праздничная, принарядившаяся для праздника какъ-то особенно къ лицу, въ мягкой пушистой кофточкѣ, ну, словно солнышко, красила сумрачный, снѣжный день.

Костя, съ утра мрачный и безпокойный, понемногу дошелъ до такого озорства, никакого слада съ нимъ не было. Лицо у Кости стало какое-то оголтѣлое и весь онъ дергался обдрюпанный и взъерошенный,—съ обезьяньимъ гоготомъ сыпались слова, хотъ возомъ вези, безъ удержу, беззастѣнчиво. Поминутно вынималъ онъ изъ кармана какую-то таинственную коробочку и, приоткрывая ее, незамѣтно выпускалъ на волю изъ коробочки блохъ и человѣчьихъ и собачьихъ, скопленныхъ имъ въ теченіе мѣсяцевъ для своихъ, совершенно непонятныхъ никому цѣлей.

Какъ самоваръ, красная Фрося, не пропускаемая ни Мотей, ни Костей, визжала и огрызалась и подзатылила за черезчуръ ужъ откровенныя любезности, а главное за то, что всю ея новую кофточку оборвали.

И старикъ, взлохмаченный, съ торчащими, будто наклеенными волосами, въ своемъ засаленномъ коричневомъ халатѣ на распашку, весь въ горчичникахъ, не то куралесилъ, не

то прыгалъ отъ щиплющей горчицы, помахивая газетою подъ фырманье, наскоки и несмолкаемыя остроты Кости.

Безостановочно барабанило несчастное, поглупѣвшее отъ глупостей и глупыхъ пьесъ разстроенное пианино, а розетки на подсвѣчникахъ, какъ полоумныя, прыгали.

Вылъ и визжалъ разстроенный песь Купонъ. И, прыгая, кусали выпущенныя на волю голодныя Костины блохи, и человѣчьи и собачьи, всѣхъ, кусали и самого Костю.

А приспѣлъ обѣдъ—сѣли за столъ, шумъ не унялся. На столъ по-праздничному красовались бутылки, — такогo обѣда не было въ домѣ съ самага отъѣзда Сергѣя. И все это по случаю рожденія и отъѣзда Кати.

Ждали Нелидова, единственнаго и неизмѣннаго гостя Клочковыхъ. И когда раздался звонокъ, всѣ повскакали. Но вмѣсто Нелидова въ столовой появился мастеръ Семень Митрофановичъ.

И поднялся такой гвалтъ, стѣны дрожали.

Правда, видъ мастера былъ ужабень, было что-то невозможное въ его одной оплошности, происшедшее, надо полагать, не отъ излишней торопливости мастера, а отъ волненія: изъ подъ кургузаго франтоватаго пиджаченка курдюкомъ висѣла сзади не вправленная въ брюки сорочка.

Явился Семень Митрофановичъ съ окончательнымъ рѣшеніемъ сказатьсѣ хозяйкѣ о своемъ уходѣ и потребовать расчетъ, но, опѣшенный необычнымъ приѣмомъ, приналегъ на водку и рѣшеніе свое отложилъ.

Обѣдъ шелъ своимъ порядкомъ.

Костя въ азартѣ опрокинулъ себѣ на голову тарелку съ лапшою и, увѣшенный клейкою лапшой, полѣзъ къ сосѣдямъ мазать.

Рая, такъ близко пододвинувшая свой стулъ къ Мотиному, сидѣла ужъ не на стулѣ, а у Моти на колѣняхъ и, покрываясь красными пятнами, визгливо хохотала.

Водка дѣйствовала. Отъ водки мастеръ захмелѣлъ, и

захмелѣвшій растроганно, какъ подвыпившая баба, принялся онъ что-то рассказывать и рассказывалъ путанно и невѣроятно: начиналъ свои мастерскія повѣствованія отъ третьяго лица и, поминутно сбиваясь на первое, переходилъ спрехвала въ какое-то неопредѣленное и громоздилъ ужасъ на ужасѣ, и вралъ, и тутъ же самъ разоблачалъ свою ложь и снова завирался. И почему-то бросая рассказы на середкѣ, словно спохватываясь, приставалъ къ Христинѣ съ какимъ-то таинственнымъ ключемъ и при этомъ копался въ своихъ оттопыренныхъ карманахъ, улыбаясь не совсѣмъ ладно, какъ-то скользко.

Старикъ подъ шумокъ уплеталъ за семерыхъ, чавкалъ и мазался.

Перепадало и Купону: Костя давалъ Купону лизать себѣ руки.

Даже Катя, перенесенная на верхъ изъ дѣтской, забываясь въ своемъ глубокомъ креслѣ, какъ будто становилась прежнею Катей и все загадывала, что будетъ черезъ мѣсяць, что будетъ лѣтомъ, что будетъ на будущій годъ... И только, когда кукушка, выскочивъ изъ своего часового домика, прокуковала, и всѣ поднялись изъ-за стола и заторопились на вокзалъ ѣхать провожать Катю въ теплый край, Катя заплакала.

И плакала тихо, покорно.

Она знала.

И прощаясь, цѣлуя Христину, Иринушку, старика-отца, сестру Раю и брата Костю, и желая имъ счастья, она знала. Она знала, чего они еще сами о себѣ не знали.

И плакала тихо, покорно.

Глава третья.

Въ домѣ водворилась тишина и еще вошло въ домъ

то особенное и жуткое, что бываетъ только постѣ покойника,—пустота какая-то...

Фрося принесла въ столовую самоваръ, поставила самоваръ на столъ и, отвернувшись, всхлипнула: Фросѣ барышню жаль, Катю.

„А чего жаль,—тутъ же и упрекнула себя деревенская баба съ прическою, какъ у Раи,—знать, не помирать поѣхала, дастъ Богъ, и поправится, только эта землица на губахъ... нехорошо! На все воля Божья!“—и пошла себѣ въ кухню къ Нюшѣ.

Старикъ былъ хозяинъ. Старикъ распоряжался: въ кои-то вѣки такой часокъ выпадаетъ.

— Ты бы, Костя, попѣлъ чего, а то такъ болтаешься, зря!—накладывалъ старикъ на корочку черного хлѣба дорогую зернистую икру.

— Я, папаша, такихъ пѣсенъ не умѣю мѣть, я пою, папаша, только разбойничьи... Отчего, папаша, у меня въ нутрѣ залѣзнякъ ходитъ съ ногтемъ, ногтемъ скорябаеть, и отчего я спать не могу и все мнѣ противно?

— Глисть завелся.

— Глисть?

— Ну, червякъ, ты посмотри ужотко повнимательнѣе, и его принеси мнѣ, мы его, голубчика, угостимъ. Глисть и червякъ—все равно.

— Червякъ все равно...—Костя задумался,—а что, папаша, чортъ, что онъ такое?

Старикъ поднялся со стула, налилъ себѣ рюмочку сладкой наливки, со вкусомъ выпилъ наливку, причмокнулъ и, крякнувъ, подмигнулъ:

— Чортъ черный.

— Ха!—фыркнулъ Костя,—черный! А я его во снѣ, папаша, видѣлъ, знаете, папаша, онъ совсѣмъ не черный, совсѣмъ не такой, и роговъ нѣтъ и безъ хвоста, а сразу его узнаешь: онъ ничего не боится и тихенькій, и видать

сквозь него, вотъ такъ посмотришь и увидишь все, какъ сквозь сѣтку.

— А ты спи лучше, ничего и не увидишь, либо горчичникъ поставь, пощиплетъ-пощиплетъ, и хорошо.

— А вамъ, папаша, что снится?

— Что снится? Яблоки снятся, намедни истухшіе окуни снились, три окуня, ты снишься, Катя, мало ли что!

— А правда, папаша, говорятъ, если увидишь во снѣ, будто съ тобою что случилось такое, грѣхъ такой, такъ это къ деньгамъ?

— Къ деньгамъ! Какъ же! Обязательно!—старикъ сосалъ леденецъ,—наканунѣ того самаго дня, какъ мнѣ выиграть двадцать тысячъ, приснилось мнѣ, будто сажу я тамъ, понимаешь, зачерпнулъ горсточкой и хлебаю, а покойница мать твоя, будто на помойкѣ сидитъ.

— А мы завтра въ помойкѣ котятъ топить будемъ, Маруська окотилась, семь котяткокъ,—захлебнулся Костя отъ удовольствія.

Старикъ скорчилъ печальную рожицу, а брови защетились тараканьимъ усомъ:

— Какъ можно, скесовъ ты сынъ, глупый, да ты ихъ лучше въ тепленькой водицѣ потопи, а то маленькіе, слѣпенькіе, имъ холодно будетъ, въ тепленькой водицѣ потопи, — и, поперхнувшись, судорожно схватился старикъ за сердце, а изъ больного мѣста по какимъ-то опухолямъ потянулось немолкаемое клокотанье и свистъ, и хрипъ, и кашель.

Костя походилъ-походилъ, подошелъ къ піанино, раскрылъ піанино и сталъ стучать пальцемъ по одной клавишѣ, стучалъ пальцемъ одну ноту долго, потомъ хлопнулъ крышкой и спустился внизъ.

Но не прошло и минуты, Костя вернулся.

— Я боюсь, папаша, — сказалъ онъ не своимъ голосомъ. Изможденный старикъ лежалъ на диванѣ, затихалъ.

— Я боюсь,—повторилъ Костя,—тамъ въ дѣтской, за Катинымъ столикомъ, сидитъ кто-то...

— А пускай себѣ сидитъ,—ахлялъ старикъ, тяжело дыша,—посидитъ и уйдетъ.

Выскакивала изъ часового домика кукушка, куковала часы, часъ за часомъ.

А въ домѣ была тишина и еще то особенное и жуткое, что бываетъ только послѣ покойника,—пустота какая-то.

Глава четвертая.

Съ вокзала Христина не поѣхала домой, а повернула на другую улицу--къ Нелидову.

Она ужъ дня не могла прожить безъ него, и сердце ея раскалялось со дня на день, отъ встрѣчи / до встрѣчи, отъ взгляда до взгляда. Безпокойство охватывало ее: что съ нимъ?—отчего не пришелъ?—здоровъ-ли?

И на самомъ дѣлѣ, Нелидовъ не совсѣмъ былъ здоровъ: сухимъ блескомъ горѣли глаза, словно ужъ видѣли впереди что-то непреклонное, и въ глубинѣ глазъ упорно стояла одна точащая мысль.

Началось съ Кати, но это между прочимъ, какъ и все, что говорила Христина о дѣлахъ, о домѣ и магазинѣ.

Эти внѣшнія мытарства были теперь для нея и угломъ, куда можно было схорониться на долгіе часы, и вещью, на которой легко сорвать сердце.

— Старикъ и слышать ничего не хочетъ: наладилъ одно, нѣтъ денегъ и ни съ мѣста, а не сегодня-завтра магазинъ опишутъ.

— А что съ Сергѣемъ! Давно что-то отъ него письма нѣтъ.

— Сергѣй! Вотъ магазинъ опишутъ, Сергѣй и явится... И скажите, почему это такъ, почему, если схватитъ бѣда, то

все, словно по уговору, отшатывается отъ тебя... это всегда?

— У бѣды своя правда, какъ и у любви своя правда. Если полюбишь...

— Если полюбишь...—повторила Христина, какъ повторяла за священникомъ молитву передъ причастиемъ: Вѣрю ю, Господи, и исповѣдую...

— Если полюбишь,—продолжалъ Нелидовъ,— а тебя не любятъ, ты погибнешь. Какъ,— это неважно, но ты погибнешь. Тутъ ужъ все соберется, всякія напасти придутъ, тутъ на гладкомъ мѣстѣ поскользнешься. Вотъ, на примѣръ, судятъ сейчасъ человѣка за убійство: убилъ, потому что его оскорбили. Но это неправда, не отъ оскорбленія убилъ онъ— не оскорбился бы онъ никогда, если бы самъ не задохнулся отъ безотвѣтной любви. Если полюбишь. а тебя не любятъ, ты погибнешь. А полюбить, значить, захотѣть другого цѣликомъ всего, до послѣднихъ уголковъ захотѣть сдѣлать другого своимъ, а другой-то остается все же самъ по себѣ, отдѣльно отъ тебя и видитъ, и слышитъ, и думаетъ. Я люблю тебя и смотрю на тебя, а ты задумалась... О чемъ это ты думаешь? я спрашиваю себя. И немедленно ужъ отвѣчаю себѣ. Отвѣтъ всегда наготовѣ. Да что-нибудь изъ своего прошлаго ты вспомнила, изъ вчерашняго своего, безъ меня пережитаго, или заняла тебя мысль мнѣ чужая,—и ужъ мнѣ ничего не надо, я только вижу тебя отколотою отъ себя, и знаю, что иначе и не можетъ быть, не можешь ты быть цѣликомъ моею, и я этого не могу принять. Любить и не хотѣть такъ овладѣть любимымъ человѣкомъ,—невозможно. А овладѣть такъ человѣкомъ и уничтожить его, одно и тоже

Она стояла передъ нимъ приговоренная, а вся кровь ея, отхлынувъ къ сердцу, затаилась, чтобы разомъ вспыхнуть. Она повторяла слова его, какъ повторяла за священникомъ молитву передъ причастиемъ: Вѣрю ю, Господи, и исповѣдую...

Глаза его горѣли сухимъ блескомъ, словно ужъ видѣли

впереди что-то непреклонное, а въ глубинѣ глазъ упорно стояла одна точащая мысль. Онъ чувствовалъ, что любить Христину и не можетъ жить безъ нея, и казалось ему, ужъ счастье пришло и стучится.

И онъ сказалъ ей объ этомъ, что любить ее и не можетъ жить безъ нея.

И въ тотъ же мигъ ея сердце, вспыхнувъ, озарило только его, и сталъ онъ для нея одинъ во всемъ мірѣ, какъ единственное дитя, дороже, чѣмъ Иринушка. Она не могла выговорить слова, не могла сказать, что ужъ внятно сказано было сердцемъ, полюбившимъ его однажды и навсегда.

И тогда въ одинъ мигъ стало для нихъ раздѣленное нераздѣльнымъ и претворилось невозможное въ возможное, какъ претворяется вино въ крѣвь и хлѣбъ въ тѣло.

Глава пятая.

Подгулявшая компанія шумно и очень нетвердо выломилась изъ веселаго Новаго Свѣта. Въ Новомъ Свѣтѣ тушили лампы, на угарный ночлегъ готовились. Музыкантъ свою дешевую музыку складывалъ, тапёръ послѣднюю безнадежную ноту взялъ.

Мастеръ Семень Митрофановичъ и на водѣ, ужъ пославъ тысячу воздушныхъ поцѣлуевъ Новому Свѣту, все никакъ не могъ уняться: онъ вырвался изъ Мотиныхъ объятій и, обнимая кого-то, какую-то воображаемую веселую даму вертѣлся угломъ внизъ по улицѣ.

— Такъ гуляла бондыриха съ бондыремъ, эхъ-ма, да не дома, да не на печкѣ, бейтесь сапоги, ломайтесь каблуки! охо-хо...—и, ослабѣвъ, снова ухватился мастеръ за Мотю, — я, братъ, толкъ знаю, первое дѣло, чтобы дама въ танцахъ подпрыгивала, а которая подпрыгиваетъ, та въ дѣлѣ ходокъ,

чище нѣтъ ее, а ты, что понимаешь, дай спичку! — закурилъ, сплюнулъ, — Райка твоя дура, а ты дуракъ.

— Я все понимаю, — сопѣлъ Мотя.

— Ничего ты не понимаешь, а мнѣ, братъ, и очковъ не надо, я теперь все докажу. Ты много заработалъ у Ключковыхъ? — Много. — Ни хрѣна ты не получишь. И кой хрѣнъ тебѣ платить станетъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Я поговорю съ сестрою, съ Христиной.

— Чего поговоришь, чортъ!

— Я поговорю на счетъ денегъ, жалованья.

— Этого видѣлъ, шкулёпа! — мастеръ ткнулъ Мотю.

Мотя брыкнулся.

— Самъ ты шкулёпа, портковый хулиганъ.

Но мастеръ ужъ кипѣлъ весь, и такъ трясъ руками, будто нанесъ яйца:

— Я тебѣ морду разобью! Скажите, какой король Моголь великій! Ему же добра желаешь, а онъ тоже ругается, чортъ! Хочешь, уму-разуму наставлю, хочешь, говорятъ?

— Я хочу.

Ну такъ и удирай отъ Ключковыхъ, вотъ что, а я тебя не оставлю, полагайся! Санька говоритъ: „Пріѣзжай! Сеня, говоритъ, безпремѣнно и все готово, и который товарищъ твой тоже!“ — чортъ!

— Христина мнѣ не чужая, куда она одна пойдетъ?

— Одна? — залился мастеръ, — одна? Да она съ этимъ дубоносымъ, съ Нелидовымъ путается... нечего сказать, почище насъ!

— Христина мнѣ сестра.

— Сестра! — Сестра, такъ сестра и пошелъ къ свиньямъ! — мастеръ зашагалъ твердо и, круто повернувшись, схватилъ Мотю за горло и, что есть силы, затормошилъ Мотю, — побить тебя, пьяницу, мало, убоецъ ты, чортъ, куда ты пойдешь, глухая тетеря, кто тебя такую гундырку возьметъ, кому ты нуженъ, товарищъ Шалапина? Хорошъ

артистъ! Какъ изъ..... пуля. Я тебя опредѣлить хочу, понимаешь?

— Я все понимаю.

— Ничего ты не понимаешь!—мастеръ, выпустивъ Мотю, взялъ его подъ руку и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ мирно, сподговаривая:—похвастаться братъ, не травля покосить, я заявлю хозяйкѣ, а ты удирай прямо въ Петербургъ съ своею Райкой, упустишь моментъ, — пропадешь. Сестра! Знаемъ мы этихъ сестеръ... чорта съ два! — и вдругъ умилился, — скажу тебѣ, Мотя, по чести, первый сортъ твоя сестрица, да, конечно, образованія у насъ нѣтъ, мужики мы, не можемъ, сѣрый народъ... первый сортъ ..

И впалъ Семень Митрофановичъ въ мрачную полосу, забормоталъ что-то совсѣмъ непонятное и жаловался, и ругался. Тащилъ онъ Мотю къ фонарю и, сорвавъ сердце на неповинномъ желѣзѣ, увлекалъ спутника на середку улицы. И рассказывалъ о какихъ-то неуловимыхъ крысахъ, которыя развелись повсюду во всѣхъ домахъ и всѣхъ поѣдомъ ѣдятъ, но что со временемъ этихъ крысъ дворники метлами разгонять и не будетъ тогда мужиковъ, сѣраго народа и дадутъ всѣмъ одинъ первый сортъ, чтобы наслаждаться и утопать въ блаженствѣ... И, взрывая ногами снѣгъ, мастеръ изображалъ дикую лошадь, а изъ дикой лошади какъ-то внезапно превращался въ клячу отходниковъ, трусилъ, бормоталъ, и жаловался, и ругался.

А въ отяжелѣвшей головѣ Моти маятникомъ ходила одна мысль. И онъ не противился этой мысли, а крѣпко за нее держался. Онъ зналъ, начнетъ возражать, и нога повернется, упадетъ онъ въ сугробъ и ужъ никогда не поднимется: „Ему надо удирать отъ Клочковыхъ непременно“...

— Лови моментъ—лови моментъ...—мычалъ Мотя.

Такъ съ грѣхомъ пополамъ добрались пріатели до дому.

И когда заспанный Иванъ Трофимычъ принялся за свою

ночную работу, — разувать мастера, угрюмо-настроенный Семенъ Митрофановичъ вдругъ просіялъ весь и, ткнувъ пальцемъ куда-то въ грязный уголъ, гдѣ ставилось на ночь поганое ведро, сказалъ спрехвала:

— Иванъ, подай это!

Мальчишка покорно согнулся, — и требуемое ведро появилось.

— Отлей себѣ въ чашку, — приказалъ мастеръ и самъ широко разинулъ ротъ отъ удовольствія.

И отлилъ мальчишка гадости себѣ въ чашку и, смекая въ чемъ дѣло, дожидался.

И прошла долгая минута мытарящаго ожиданія.

— Лакай! — скомандывалъ мастеръ.

И мальчишка, часто закрестившись, выпилъ до дна всю чашку.

Глава шестая.

Храпѣлъ Мотя. Храпѣлъ мастеръ.

Свистѣла по дому носовая пѣсня сытымъ пересвистомъ.

Непроглядная темь сновала въ холодномъ коридорчикѣ вокругъ корчащагося отъ отвращенія Ивана Трофимыча. Корчился Иванъ Трофимычъ на своемъ постыломъ сундучкѣ, поджималъ подъ себя ноги, свертывался въ горошину и, вдругъ отбрасывая тряпье, привскакивалъ.

Кидало его то въ жаръ, то въ холодъ, становилась поперекъ горла противная соленая слюна.

— Сволочь... — шепталъ Иванъ Трофимычъ, — сволочь. Мамушка моя, родимая...

А за стѣною Костя, закутанный съ головою въ одѣяло, жался къ стѣнѣ отъ чьихъ-то страшныхъ глазъ, и глаза, неотступно слѣдя за нимъ, обливали его холоднымъ потомъ.

Снилась Костѣ Катѣ, будто сказала Катя, чтобы шелъ

онъ въ лавку гробъ ей купить. И долго ходилъ онъ по лавкамъ, и не могъ выбрать подходящаго гроба. А когда вернулся домой, видитъ, гробъ ужъ стоитъ, а Катя возлѣ гроба. Катя говоритъ ему: „Костя, зачѣмъ купилъ ты мнѣ такой узкій и тѣсный гробъ?“ И ужъ лежать они будто на какой-то покатои кровати рядушкомъ: Костя на самомъ на кончикѣ совсѣмъ руками къ землѣ, и неловко ему, душно и холодно, а Катя на самомъ на верху, и хорошо ей, мягко и покойно. И почему это Катѣ хорошо, мягко и покойно, а ему неловко, душно и холодно? А почему у него звѣздочка на ладони? А почему у него носъ кривой?

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Глава первая.

Порою казалось Нелидову, что нашелъ онъ въ Христинѣ ту, которую потерялъ навсегда, ту, которую любилъ однажды,—свою невѣсту. И пылали темныя ночи солнечнымъ огнемъ, глушили время, онъ не замѣчалъ часовъ, не слышалъ, какъ били часы—одно чувство покоилось и на вещахъ и въ его душѣ.

Да, онъ нашелъ въ Христинѣ ту, которую потерялъ навсегда,—свою невѣсту.

Но заглядывалъ въ окно ранній туманящійся свѣтъ,—зимній свѣтъ до разсвѣта, и онъ не смѣлъ глядѣть туда за окно, на волю, и прокололъ бы уши себѣ, лишь бы не слышать хода стучащихъ минутъ. Будто выползало чудовище откуда-то изъ-подъ сбитыхъ еще теплыхъ отъ ночной ласки подушекъ, наваливалось чудовище скользкимъ животомъ, давило ему сердце, пытало его, издѣвалось надъ нимъ.

Зачѣмъ это онъ сдѣлалъ? Онъ не любитъ Христину. Зачѣмъ онъ ее мучаетъ? Зачѣмъ обманываетъ себя? Вѣдь знаетъ, что не любитъ ее, зачѣмъ же притворяться? Зачѣмъ по-правдѣ не скажетъ ей и себѣ? Или забываетъ? Развѣ забываетъ? Развѣ такое можно забыть?

„Смотри,— тянуло чудовище,— какъ она глядитъ на тебя! Она вѣритъ тебѣ, она любитъ тебя, какъ ты, помнишь, ту любишь однажды и навсегда, свою невѣсту. Но ужъ скоро она почуветь обманъ твой. И будетъ жить обманутая,— мѣръ ей покажется такимъ маленькимъ, а небо такимъ низкимъ, а улицы всѣ узкими, какъ тебѣ казалось, помнишь, въ жаркѣй іюльскѣй полдень, когда ты возвращался съ кладбища, потерявъ навсегда ту, которую любишь, свою невѣсту. Да, она будетъ ходить по этимъ узкимъ улицамъ и, вспоминая, сердце надорветъ себѣ,— вся ея грудь изноетъ. Скоро, ужъ скоро она чутьемъ узнаетъ обманъ твой и, ты говори или не говори, все равно, она узнаетъ: отъ любящаго ничего нельзя скрыть. Это ты знай, это ты запомни, это правда. Отъ любящаго ничего нельзя скрыть. Не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ послѣзавтра все узнается и безъ всякихъ словъ, однимъ чутьемъ все узнается. Она думала, что любитъ Сергѣя. Она не любила его, Сергѣй ее тоже. Тебя она любитъ, а ты ее не любишь. Зачѣмъ же ты обманываешь ее? Зачѣмъ ты обманываешь себя?“

Измученный забывался Нелидовъ. Но и среди забытья чудовище не покидало его: нѣтъ-нѣтъ да и толкнетъ его, стащить съ него одѣяло или начнетъ трясти за плечи лихорадкою.

Вскочить Нелидовъ и прислушивается. И казалось ему, за стѣною, крадучись, кто-то вколачивалъ гвоздь, такъ вколачивалъ крѣпко, чтобы, привѣсивъ крѣпкую петлю къ гвоздю, да въ петлю головой... Слушаетъ Нелидовъ и на лбу у него выступаетъ холодный потъ и зубы начинаютъ стучать. А тотъ отчаянный, должно быть, приноровился, да въ петлю головой, отбрыкнулъ ногами и готово,— висить. Проходитъ минута, другая, третья. Нелидовъ не шелехнется, прислушивается, ждетъ. И вдругъ, казалось ему, за стѣною подымался шумъ: знать, хватились, вытащили отчаяннаго изъ петли, да поздно.

— Поздно, — шепталъ Нелидовъ, — ужъ поздно, не поможешь! — и опять ложился и хотѣлъ хоть на минуту забыться.

А откуда-то изъ подъ смятыхъ раскаленныхъ подушекъ, снова будто выползало чудовище, наваливалось скользкимъ животомъ, давило ему сердце, пытало его, издѣвалось надъ нимъ.

Зачѣмъ это онъ сдѣлалъ? Онъ не любитъ Христину. Зачѣмъ онъ ее мучаетъ? Зачѣмъ обманываетъ себя? Вѣдь, знаетъ, что не любитъ ее. Зачѣмъ же притворяется? Зачѣмъ по-правдѣ не скажетъ ей и себѣ. Или забываетъ Развѣ забываетъ? Развѣ такое можно забыть?

Поздно наступалъ день, путаница, — жизнь будень. Потомъ приходилъ вечеръ. Вечеромъ прѣзжала Христина или самъ онъ бывалъ у Ключковыхъ.

И когда онъ бывалъ съ нею, все забывалось. Онъ просто понять не могъ, откуда приходила ему въ голову мысль, будто онъ обманываетъ ее, будто онъ обманываетъ себя. Да развѣ онъ не искренно говорилъ себѣ, что любитъ ее и что жить безъ нея не можетъ. Да, онъ искренно говорилъ, да, онъ никого не обманывалъ.

Такъ наперекоръ себѣ, своему глубокому сознанію, все собиралъ Нелидовъ, чтобы только скрыть правду отъ самого себя, но дойдя до послѣдней измученности, въ самый разгаръ успокоенія своего, вдругъ замиралъ и весь уходилъ въ слухъ: голосъ, таившійся въ дняхъ и выползавшій чудовищемъ передъ разсвѣтомъ, окутывалъ колкою сѣтью укоровъ и повелительно, какъ царь и судія, говорилъ надъ нимъ: „Повиненъ смерти!“

И видѣлось ему изъ всѣхъ вещей и изъ всѣхъ глазъ молчаливое одобреніе приговору: „Повиненъ смерти!“

И она, непокорная, смерть, его, которую онъ дважды напрасно вызывалъ изъ глубины своего сердца, не могла не

явиться, не могла не откликнуться, не могла не принять его.

И чувствуя это, онъ, — нѣкій господинъ Нелидовъ, одинъ изъ тысячи похожихъ и отличающихся лишь по фамиліямъ, бывшій чиновникъ, актеръ и учитель, захряснувшій въ водоворотѣ всякихъ мелочей и грызни, лишь бы жить, теперь онъ впервые нашель силу въ своемъ сердцѣ вольно принять ее.

Передъ масляницей въ городѣ открывалась ярмарка, магазины запирались поздно, и Христина не могла пріѣхать къ Нелидову, а самъ онъ не пошелъ къ Клочковымъ.

Онъ не хотѣлъ видѣть Христину, ему не надо было ее видѣть наканунѣ своего послѣдняго дня.

Глава вторая.

Наканунѣ ушелъ отъ Клочковыхъ мастеръ Семень Митрофановичъ.

И это былъ первый ударъ Хрустинѣ, за которымъ посыпались, какъ орѣхи, всякія бѣды. Но она и думать не могла, что все такъ ужъ сразу. И напала на нее та безпечность, которая вѣрно предрекаетъ горькій завтрашній день.

Одинъ Костя, вдругъ ставшій молчаливымъ, засыпая за прилавкомъ, бормоталъ сквозь сонъ всякую чепуху и, пробуждаясь, ходилъ мрачный, закусивъ губу, будто готовясь къ какому-то большому, неслыханному дѣлу.

Въ субботу, послѣ обѣда, къ Клочковымъ явился судебный приставъ описывать магазинъ.

Надѣлъ приставъ цѣпь, прочиталъ постановленіе, поставилъ къ двери городскихъ и приступилъ къ описи.

Христина, Мотя, Рая и Иванъ Трофимычъ стояли за прилавкомъ, словно выстроенные, и лица ихъ поражали

своею будничностью, будто ничего и не случилось особеннаго, а было такъ въ порядкѣ вещей, и только въ глазахъ у каждаго таилось по одной еще имъ незамѣтной вертящейся мысли о завтрашнемъ днѣ: что дѣлать имъ завтра?

Костя, углубленный въ свою поглощающую мысль совершить какое-то неслыханное дѣло, стоялъ поодаль, отдувалъ щеки и съ остервенѣніемъ облизывался языкомъ.

А кругомъ у оконъ останавливались прохожіе, засматривали въ магазинъ, высовывали языкъ, скалили зубы, гримасничали,—не могли удержать своей особенной радости пробуждаемой въ людяхъ несчастьемъ ближняго. Конечно, не годилось въ глаза ея тыкать, не ровень часъ,—всѣ мы подъ Богомъ, но удержаться было трудно. И приставъ, накладывающій печати на драгоценныя вещи и бездѣлушки, едва сдерживалъ улыбку.

А часы, какъ шли наканунѣ, такъ продолжали итти и теперь, одинаковые до описи и послѣ описи. Одни выкрикивали маленькую затасканную пѣсенку—пустоту жизни съ ея непролазною чинностью, съ ея чинною уздою и трусливою лживостью. И другіе глухимъ протяжнымъ боемъ били часъ смерти, которой люди боялись, обманутые маленькѣй затасканною пѣсенкой—мелочью жизни.

И гремѣлъ грамофонъ какой-то скачущій разудалый танецъ безъ совѣсти, безъ удержа, такъ что полъ подъ нимъ ходилъ ходуномъ.

— Такъ гуляла бондыриха съ бондыремъ!—прищелкнулъ городской пальцемъ, не выдержавъ больше.

Приставъ накладывалъ печати, одну за другой по всѣмъ стѣнамъ и по всѣмъ витринамъ, затыкая печатями глотку вещамъ.

Магазинъ замиралъ.

И когда кончилась опись и приставъ удалился, и въ замеревшемъ магазинѣ чуть тикали лишь случайно неприпечатанные часики, тиканье ихъ было такимъ, будто прохо-

дили по сердцу тоненькіе гвоздики, зацѣпляли сердце и мелко рвали его.

Такъ показалось Христинѣ и она заторопилась покинуть чернымъ ходомъ запечатанный, мертвый, не свой ужъ магазинъ.

Рая и Мотя переглядывались: у нихъ все ужъ было слажено и надумано. Рая и Мотя ждали только вечера: вечеромъ они сядутъ въ поѣздъ и покатятъ прямо въ Петербургъ къ товарищу Сенѣ—къ мастеру Семену Митрофановичу, на новую жизнь.

— Ты прости прощай, не поминай насъ лихомъ!—напѣвалъ Мотя, покручивая усики и раздувая ноздри, будто Шаляпинъ, товарищъ Шаляпина.

Иванъ Трофимычъ, прихлопнутый своей шапченкой подъ барашекъ, возвращался домой къ себѣ въ коридорчикъ угрюмо и медленно, словно несъ за плечами съ полсотни годовъ. Куда ему дѣться, гдѣ начать новую жизнь?

„Поступлю въ пожарные,—мечталъ пригорюнившимся сердцемъ Иванъ Трофимычъ,—жизвь положу... Каска-то какая пожарная, сто пудовъ, мѣдная, на головѣ не унесешь! Или въ разбойники запишусь въ Чуркины, всѣмъ волю объявлю, а мастера Семена Митрофановича топоромъ...

Глава третья.

Въ послѣдній разъ подымался Костя на Соборную колокольню заводить часы. Однимъ духомъ сигалъ онъ со ступеньки на ступеньку.

А вѣтеръ, налетая, толкалъ его въ грудь, будто хотѣлъ сбросить внизъ.

— Ты не смѣешь! Не смѣешь!—кричалъ, казалось Костѣ, вѣтеръ въ пролетахъ.

И пугали, тряслись сѣдые колокола, гудѣли вѣковымъ

своимъ гудомъ, гудя, грозили размозжить чугуннымъ языкомъ голову носатаго урода, задумавшаго неслыханное дѣло.

Костя не чувствовалъ усталости, Костя не зналъ страха. Что ему усталость и страхъ? Перегорало его сердце въ одномъ твердомъ безповоротномъ желаніи, — онъ задумалъ думу больше всѣхъ думъ.

Не человѣкъ, не звѣрь—время съ его часами владѣетъ жизнью и посылаетъ дни и ночи, все отъ него—всѣ терзанія и муки жизни. И онъ убьетъ время—проклятое!—убьетъ его съ его часами и освободитъ себя всю землю и весь міръ. Тамъ на землѣ ноги его не будутъ, онъ не сойдетъ съ колокольни, не исполнивъ своего дѣла. И если понадобится, онъ полѣзетъ выше, на самый куполъ, онъ ступитъ на крестъ и дальше... онъ готовъ лѣзть на облака. Онъ поклялся и клянется всѣми днями своей кривоносою тоски, клянется своею безнадежною любовью къ Лидочкѣ Лисицыной, клянется солнцемъ и ночью, — солнцемъ, при свѣтѣ котораго мучили его, ночью, подъ кровомъ которой онъ, измученный, придумывалъ муку.

„Костя, если бы часовъ и совсѣмъ не было, времени не было, ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго!“ — вспыхнули на мигъ слова Нелидова, сказанныя мѣсяць назадъ, и еще больше увѣрили Костю.

Достигнувъ верхняго яруса, Костя продѣлалъ необыкновенно легко все то, что прежде давалось ему съ такими трудностями, — свою заводную работу.

Заводной рычагъ вертѣлся въ его рукахъ, какъ соломинка.

Костя слышалъ: жили часы, кишѣли, какъ тысяча тысячъ бѣгучихъ годовъ, тысяча тысячъ маленькихъ ядовитыхъ червячковъ. И отъ этого желѣзнаго чудовища зависѣла его судьба, судьба земли и всего міра. Нѣтъ, онъ больше не можетъ жить, онъ не можетъ ходить по землѣ,

не свергнувъ желѣзное иго, онъ своими руками задушить это желѣзное горло!

Ощеривая ротъ съ пробитыми передними зубами, Костя схватилъ желѣзный пруть. И легко, какъ перышко, подбрасывая желѣзо, бросился къ оконному пролету, проворно вскарабкался на подоконникъ, изогнулся весь, и, нечеловѣчески вытянувъ руку, коснулся послушнымъ желѣзнымъ прутомъ большой часовой стрѣлки, зацѣпилъ стрѣлку и повелъ впередъ. И медленно велъ ее, подводя часы на цѣлый часъ впередъ, до послѣдней минуты съ четверти на полчаса, съ полчаса на безъ четверти, а съ безъ четверти на десять, а съ десяти минутъ на пять, а съ пяти на три и на минуту... И на мигъ замерѣвъ, рванулъ желѣзнымъ прутомъ большую стрѣлку.

Хряснула, звякнула сломанная стрѣлка, и, мелькнувъ голубымъ огонькомъ, канула въ звѣздномъ вечерѣ.

И ударилъ часовой колоколъ чугуннымъ языкомъ въ свое пѣвучее сердце, запѣлъ свою древнюю неизмѣнную пѣсню—ударилъ колоколъ свой часъ.

Не могли часы остановить положеннаго боя. Прокатились одинъ за другимъ десять ударовъ, девять назначенныхъ Богомъ, и десятый Костинъ.

Ужасъ и плачь и хохоть рвались изъ пѣвучаго колокольнаго сердца.

Замолкавшіе звоны, подымаясь съ земли, летѣли къ звѣздамъ и, развѣваясь бѣлымъ прозрачнымъ паромъ, колебались, какъ бѣлыя перья...

А синія звѣзды, далекія думали свои звѣздныя думы и, осѣненные свѣтомъ своимъ, сіяли.

И стало на землѣ тихо до жути.

Городъ, жившій по Соборнымъ часамъ, встрепенулся.

На каланчѣ пожарный, закутанный въ овчинку, въ своей ужасной мѣдной каскѣ вдругъ остановился и сталъ искать пожара, но зарево надъ колокольною погасло и снова

зашагалъ пожарный вокругъ черныхъ сигнальныхъ шаровъ и звенящихъ проволокъ. Отходящїе поѣзда съ запозданїемъ на часъ, спѣша, нагоняли ходъ, свистѣли безнадежно. Погоняли, лупили кнутомъ извозчики своихъ голодныхъ лысыхъ клячъ, сами подъ кулакомъ отъ перепуганныхъ, торопящихся не опоздать, на часъ опоздавшихъ, сѣдоковъ. Согнутый въ дугу телеграфистъ бойчѣе затанцовалъ измозолившимся пальцемъ по клавишамъ аппарата; перевирая телеграммы, сыпалъ ерунду и небылицу. Непроспавшіяся барышни изъ веселаго Новаго Свѣта въ ожиданїи гостей размазывали бѣлила по рябоватымъ синимъ щекамъ и нестираемымъ язвамъ на измятой, захватанной груди. Нотариусъ, довольный часу, закрывая контору, складывалъ въ портфель груды просроченныхъ векселей къ протесту. И кладбищенскій сторожъ съ заступомъ подъ полою шелъ могилы копать для завтрашнихъ покойниковъ. Сторожева свинья подхрюкивала хозяину. Пивникъ откупоривалъ послѣднія бутылки. И запирали казенную лавку. Бѣда и горе и всѣ ихъ сестры переступали городскую заставу, разбрелись по городу, входили въ дома обреченныхъ. И отмѣченная душа заволновалась. Глядя безумными глазами куда-то за синія звѣзды, обрадованнѣе заголосилъ юродивый Маркуша-Наполеонъ свою ночную молитву: „Господи, просвѣти насъ свѣтомъ твоимъ солнечнымъ, луннымъ и звѣзднымъ!“

Отброшенный на каменный полъ и не слыхавшїй часоваго колокола, Костя очнулся и, кошкой вспрыгнувъ на подоконникъ, заглянулъ къ часамъ.

А на часахъ неподвижно стояла одна одинокая маленькая стрѣлка.

Дождался Костя, насталь его часъ! Убилъ Костя проклятое время!

Больше нѣтъ невозвратнаго. Больше нѣтъ ожиданїя. Больше нѣтъ времени!

И, выгнувъ длинно по гусиному шею и упираясь костлявыми ладонями о каменный подоконникъ, захохоталъ Костя во все горло безумнымъ дикимъ хохотомъ.

Дождался Костя, насталь его часъ! Убилъ Костя проклятое время!

Больше нѣтъ невозвратнаго. Больше нѣтъ ожиданія. Больше нѣтъ времени!

И пославъ воздушный поцѣлуй копошившемуся, освобожденному имъ городу, затунулъ царскую пѣсню освободителя.

Костя пѣль, Костя Клочковъ, царь, поправшій время съ его томленіемъ и утратой, царь надъ царями, освободитель земли и міра отъ желѣзнаго ига часовъ.

Больше нѣтъ невозвратнаго. Больше нѣтъ ожиданія. Больше нѣтъ времени!

Глава четвертая.

Маленькая сгорбленная Костина фигурка въ башлыкѣ зайцемъ, мирно проковылявъ по рѣкѣ, выюркнула изъ сугробовъ.

Костя пріостановился у губернаторскаго дома, заглянулъ въ губернаторскія ворота.

„Больно жирно будетъ, пускай самъ понавѣдается!“ — рѣшилъ Костя про губернатора, къ которому хотѣлъ было зайти объявить свободную новую жизнь безъ времени, и пошелъ себѣ дальше.

И, поровнявшись съ часовой будкой, крикнулъ часовому: — Никогда я не видѣлъ губернаторши, говорятъ, она старуха, но очень привлекательная.

На площади горѣлъ костеръ, у костра жались къ огню городской и какіе-то бродяги.

Кто-то изъ бродягъ сказалъ:

— Времени больше не будетъ.

Костя кивнулъ головою въ знакъ своей милости.

— Ты правъ, времени нѣтъ больше. Это я сдѣлалъ васъ свободными, я—Костя Ключковъ, отнынѣ все можно, и нѣтъ невозможнаго!—и пошелъ себѣ дальше.

Такъ шелъ Костя, одобряя и поощряя своихъ освобожденныхъ рабовъ— своихъ подданныхъ, не замѣчая времени.

Дворники на ночь запирали ворота. По дворамъ выпускали злыхъ собакъ. На улицахъ ужъ появились бездомные люди, воровато притаивались у заборовъ, въ заборныхъ пролетахъ, дрожали и прыгали отъ холода.

На лавочкѣ у прокопченаго ночлежнаго дома примостились двѣ старыя нищенки, и какъ ни въ чемъ не бывало, судачили и перемывали нищенскія косточки.

Костя остановилъ ихъ:

— Чего вы тутъ сидите, нищенки, развѣ не слышали: времени нѣтъ больше и все кончено и спорить не о чемъ!— и, вынувъ изъ кармана часовой ключъ, бросилъ въ лицо нищенкамъ:—возьмите это планетное мясо и раздайте голоднымъ, я не хочу, чтобы кто-нибудь жаловался, отнынѣ все можно, и нѣтъ невозможнаго!

А въ это время, будто изъ подъ земли, выросъ Нелидовъ, онъ шелъ по дорогѣ къ вокзалу. Костя сразу узналъ его по высокой шапкѣ.

— Куда вы, господинъ Нелидовъ?—остановилъ Костя знакомаго.

Нелидовъ вынулъ часы, посмотрѣлъ и сказалъ:

— Полчаса времени осталось, Костя. Прощай!

— Повиненъ смерти!—въ ярости крикнулъ Костя, возмущенный непокорствомъ Нелидова, осмѣлившагося упомянуть о времени, но вспомнивъ, что время навсегда имъ раздавлено, и вернуть старое невозможно, въ упоеніи завертѣлся.

И вертѣлся Костя по улицѣ, какъ масленичныя карусели.

Ему казалось, онъ самъ карусели, на которыхъ всякій можетъ бесплатно кататься.

Какіе-то оборванные мальчишки, высыпавшіе на ночь изъ конуръ и ночлежекъ за мелкимъ воровствомъ, бросились къ Костѣ и, облѣпивъ его со всѣхъ сторонъ, закружились вмѣстѣ съ нимъ, какъ карусели.

Костя одобрялъ мальчишекъ, онъ обѣщалъ имъ со временемъ показать балаганы, въ которыхъ цари и вельможи заиграютъ петрушекъ, а онъ, великій ратуй, первый и послѣдній петрушка, сшибетъ для потѣхи солнце, ибо отнынѣ, когда времени нѣтъ больше, все можно, и нѣтъ невозможнаго.

— Туй-туй-рата-туй! — захлебывался Костя и вертѣлся, какъ карусели.

И вертясь, почувствовалъ Костя, какъ что-то медленно, но упорно таетъ гдѣ-то на сердцѣ и огромная стѣна чуть замѣтно, но вѣрно наклоняется надъ нимъ, а нарастающее сознаніе какой-то неслыханной силы, какого-то безграничнаго могущества толкаетъ его вертѣться, какъ карусели.

— Я даю вамъ, слюнявые мальчишки, волю, какой съ сотворенія міра, и любви и смерти не имѣлъ ни одинъ великій народъ. Слушайте вы, оборванцы и воры, я взялъ себѣ время, я убилъ время съ его часами,—отнынѣ нѣтъ времени! Слушайте вы, негодяи, я взялъ себѣ грѣхъ міра, я убилъ грѣхъ съ его тоскою и раскаяніемъ,—отнынѣ нѣтъ грѣха! Слушайте вы, трусы и обманщики, я взялъ себѣ смерть, я убилъ смерть съ ея ужасомъ,—отнынѣ нѣтъ смерти! Отнынѣ нѣтъ времени, отнынѣ все можно, и нѣтъ невозможнаго. И даю я вамъ, голоднымъ и истощеннымъ, первый сортъ, чтобы, наслаждаться и утопать вамъ въ блаженствѣ! Наслаждайтесь и утопайте вы, блаженные рабы, сластолюбцы и развратники, милые братья мои, которымъ—моя воля—вырѣзать у васъ все съ мясомъ и заткнуть ваши

собственныя прожорливыя алчныя глотки. Азъ есмь Господь Богъ твой!

Оборванецъ изъ котовъ сшибъ съ Кости шапку и, издѣваясь, плюнулъ ему въ лицо:

— А мнѣ что будетъ, Костя?

— Ты будешь лизать мою свинку,—добродушно обтерся Костя и, обратившись къ собравшейся масленичной толпѣ, возопилъ:—приидите ко мнѣ!—и улыбнулся:—какая я ворона!..

И улыбаясь, пошелъ дальше.

Шелъ Костя, не замѣчая времени, вертѣлъ пальцемъ кружокъ передъ носомъ.

Довольно ему лынды лындать, онъ хищный о со ѣ д ѣ будетъ днемъ расправляться по-свойски, онъ будетъ бить до кровавой пѣны, а ночью, наполнивъ всѣ колодцы лягушиною икрой, пойдетъ на промыселъ: малыхъ дѣтей загрызать.. малыхъ, слѣпенькихъ топить въ тепленькой водицѣ, чтобы холодно не было.

— Старый пошелъ—не дошелъ, малый пошелъ—не нашелъ, чортъ вамъ радъ,—ухмыльнулся Костя, заложилъ руки въ карманы и, вообразивъ себя лягушачьею лапкою, двинулъ плечомъ фонарь.

Фонарь покачнулся и трахъ на мостовую, только стекла зазвенѣли.

Костя сорвался съ мѣста и побѣжалъ. Бѣжалъ, какъ конь. Онъ—не карусели и не петрушка, не о со ѣ д ѣ, не лягушачья лапка, онъ—конь, сѣрый конь въ яблокахъ, сѣдло серебряное, уздечка позолоченная. Онъ помчится въ Соборъ, онъ скупить всѣ церковныя свѣчи, онъ сядетъ на престолъ, онъ умоется холодною росой, онъ прочитаетъ всѣ книги и загорится, какъ семипудовая свѣча передъ Вербницею, передъ Громницею, передъ Лидочкою Лисицыной. Поясъ на немъ шелковый, шапка бобровая, шуба атласная, а носъ, какъ на картинѣ. Онъ больше не Костя Клочковъ, а учи-

тель и сыщикъ Куринасъ, первый, и послѣдній, Куринасъ Куриновичъ. И бьетъ онъ копытомъ землю, вороногій конь, несетъ въ песокъ большущія яйца гусиные, да утиные.

— А кудакъ-такъ-такъ! не было въ насъ такъ! — кричитъ Костя во все горло и, усыпавъ всю улицу откуда-то взявшимися золотыми орѣхами, соображаетъ, что стоитъ онъ у дверей галантерейнаго магазина Лисицыныхъ, и чувствуетъ, какъ что-то, чиркнувъ будто спичкою и ярко блеснувъ зеленымъ огонькомъ, съ болью вертится въ его мозгу.

— Эхъ вы, куры рябыя, коноплятыя!—рвануль Костя дверь галантерейнаго магазина и, распахнувъ свою непростую шубу изъ маковаго листа, взарился прямо на Лидочку.

Лидочка, на смерть перепуганная, вытаращила свои лазоревые глазки и, не пискнувъ, присѣла отъ страха.

А Костя, кусая свою побѣлѣвшую губу и дрожа весь, подкрался къ прилавку, и занесъ было ногу съ намѣреніемъ перемахнуть за прилавокъ, но почему-то раздумалъ. Весь изогнулся, нащупалъ присѣвшую Лидочку, вытянулъ ее изъ-за прилавка и, притянувъ къ себѣ, впился въ нее губами и цѣловалъ ее въ ея сахарныя губы и розовыя щеки, цѣловалъ въ засосъ, присвистывая, причмокивая, приговаривая, и вдругъ, широко разинувъ ротъ, халъ!—и закусилъ ея сахарно-выточенный фарфоровый носикъ...

Ахнула Лидочка, закатила лазоревые глазки и обмерла. Обмерла Лидочка и безъ памяти, какъ трупъ, не противилась ужъ страшнымъ объятіямъ и поцѣлуямъ страшнаго Кости.

На шумъ выскочилъ бѣлобрысый приказчикъ Мудрая головка, замоталъ лысѣющимъ капулькомъ и, ругаясь на всѣ корки, ухватилъ Костю, оттащилъ отъ растерзанной

Лидочки и, какъ кошку, вышвырнулъ вонъ за дверь на улицу.

Ткнулся съ налету Костя въ снѣгъ и слышалъ, какъ съ трескомъ захлопнулась дверь магазина.

Вздрагивающія въ слезахъ губы его перебирали дѣтскую пѣсню, которую пѣла Христина надъ своей Иринушкой, и какой-то смертный страхъ, подкатывая къ сердцу, подымалъ его съ земли.

Поднялся Костя и пошелъ по улицѣ, переваливаясь, ужъ не Костя Клочковъ, не карусели и не петрушка, не осоѣдъ, не лягушачья лапка, не учитель и сыщикъ Куринасъ, не вороногій конь, а отрѣзанная шкулѣпа на тараканьихъ ножкахъ.

Вокругъ него шмыгали люди, гнались за нимъ, но не трогали его, не толкали его—отрѣзанную шкулѣпу на тараканьихъ ножкахъ.

Галдѣла масленичная улица на сотни пьяныхъ головъ. И каждый голосъ влеталъ Костѣ въ ухо, и казалось Костѣ, что онъ всеслышащій.

Галдѣла масленичная улица:

— Мы хотѣли бы васъ разспросить, какъ подвигается наше дѣло?—кололъ чей-то голосъ всеслышащее Костино ухо.

А другой свое говорилъ:

— Чортъ, мокрую тряпку положить тебѣ на носъ!

А третій приставалъ къ четвертому:

— Дай огоньку! Милый, дай огоньку!

— У! дуракъ какой!—огрызался четвертый.

И какой-то двадцатый простуженный голосъ извинялся:

— Ни копѣйки у меня нѣтъ, чего же я тебѣ дамъ!

— Я тебѣ прямо говорю, я спички гдѣ-то потерялъ,—тыкался сотый.

А его ужъ перебивалъ сто двадцать первый:

— Прогони да гляди хорошенько!—твердилъ стодвадцать первый.

И, какъ ни въ чемъ не бывало, рассуждалъ тысяча третій:

— А другой дуракъ всю жизнь работаетъ, вотъ и пойми.

— Что это долго подолго нѣтъ моего!—сѣтовалъ бабій подвыпившій голосъ.

А старушачій визгливо съ плачемъ запѣлъ:

— Маль-чиш-ка дѣ-вуш-ку обманываетъ...

И какой-то отчаивался:

— Ни отвѣта намъ, ни привѣта.

И какой-то старуху унималъ:

— Еще пѣсни поетъ, старуха!

И какой-то грозилъ:

— Не дури, а то свалишься!

И какой-то ругался:

— Задави тебя шутъ!

И тенорокъ городского разливался, прищелкивая:

— Такъ гуляла бондыриха съ бондыремъ!

И галдѣли и галдѣли на сотни пьяныхъ праздничныхъ голосовъ.

„Но чего имъ надо?—спрашивалъ себя Костя,—я далъ имъ планетное мясо, я все имъ отдалъ... И чего мнѣ надо, царю надъ царями?“

Въ запечатанномъ неосвѣщенномъ лампочкой-сторожикой Клочковскомъ магазинѣ черезъ наложенныя на окна рѣшетки глядѣлось черное что-то, какъ пробитый глазъ.

У окна магазина стояла Христина и о чемъ-то думала.

Костя, увидя Христину, бросился къ ней.

И они смотрѣли другъ на друга: онъ хищный о с о ѣ д ѣ, она—голубка. И сверлилъ онъ ее всю съ головы до ногъ своимъ осоѣдовымъ безумнымъ взглядомъ.

— Костя, что съ тобою, Костя?—перепугалась Христина.

А съ мостовой кто-то крикнулъ, грозя:

— Эй, Костя, зачѣмъ шапку такъ, вотъ я тебѣ ужо!

Костя слышалъ угрозу и молчалъ, и молча сверлилъ Христину осоѣдовымъ безумнымъ взглядомъ.

Онъ—хищный осоѣдъ, она голубка.

-- Ты боленъ. Костя, иди домой, Костя!—слезы показались на глазахъ у Христины.

И снова что-то, чиркнувъ будто спичкою и ярко блеснувъ зеленымъ огонькомъ, съ болью завертѣлось въ Костиномъ больномъ мозгу и огромная стѣна совсѣмъ ужъ опустилась на него.

Костя протянулъ обѣ руки Христинѣ и, наклонившись къ самому лицу ея, сказалъ ей шепотомъ:

— Больно мнѣ, Христина, очень больно, но если спросить, Христина, что сказалъ Костя, скажите, сказалъ Костя: ничего! — и высунувъ языкъ, Костя пошелъ своею дорогой.

Хмурно было на душѣ у Кости, гнетущая охватила тоска:

— Звѣзды, примите меня!—крикнулъ онъ послѣднимъ крикомъ измученнаго сердца.

И какъ бы въ отвѣтъ на этотъ крикъ измученнаго сердца, на минуту померкло въ его глазахъ, и вотъ кто-то на тоненькихъ женскихъ ножкахъ,—такъ показалось Костѣ,—самъ тоненькій, тихенькій, сквозной, какъ сѣтка, Костинъ чортъ появился на тротуарѣ и засѣменилъ ножками.

Нагонялъ чортъ Костю, пропадалъ, и опять появлялся и носатымъ хохочущимъ лицомъ внезапно заглядывалъ прямо въ глаза:

— Костя, великій Костя, спаситель человѣческаго рода, освободившій міръ отъ желѣзнаго ига,—дрожалъ Носатый.— ты богъ, ты царь, ты царь надъ царями, ты покорилъ время, ты далъ волю человѣчеству, тебѣ подвластны всѣ земли, вся подлунная, весь міръ. Костя, ты не Костя, не Ключ-

ковъ Костя, ты Костя Саваоѳъ. Захочешь и сами звѣзды попадаютъ съ неба, захочешь, погаснетъ солнце, и все-таки, Костя, милый Костя, миленькій, несчастный Костя, у тебя носъ кривой.

И вдругъ, ловко извернувшись, подхватилъ Носатый подъ руку Костю—такъ показалось Костѣ—и повлекъ за собою, мостя мосты въ новый Костинъ дворецъ и храмъ и небеса.

А на звѣздныхъ небесахъ явственно увидѣлъ Костя, какъ стали три черныхъ столпа, на черныхъ столпахъ сѣли три зеленыхъ попа, разогнувъ, читали попы три красныя книги.

Не удивлялся Костя, и не противился Носатому, ковылялъ Костя съ Носатымъ, не Костя Клочковъ—Костя Саваоѳъ, высовывалъ языкъ, улыбался. Пораскидывалъ онъ своимъ божескимъ разумомъ, пораздумывалъ, чего ему, Костѣ всемогущему, натворить еще, какихъ міровъ, какихъ земель?.. Или обратитъ ему всѣхъ ангеловъ въ чертей или вставить часовое стекло въ небо, чтобы видно было, что тамъ на небесахъ дѣлается, и чтобы не пылились небеса, или смѣшать все, всю міровую наличность и почитать, какъ въ седьмой нетворящій день и не голубемъ, а вороною?..

— Какая я ворона!—бормоталъ Костя, улыбаясь, и, высунувъ языкъ, уходилъ все дальше своею дорогой въ свой новый дворецъ, храмъ и небеса, въ свое царство безумія.

Глава пятая.

Христина едва на ногахъ держалась. Желая хоть что-нибудь спасти, металась она по городу изъ конца въ конецъ. Ей все не удавалось: то передъ глазами захлопнуть дверь, то слишкомъ поздно, то просто не принимаютъ.

„Никому, видно, до меня дѣла нѣтъ!“ — и опускались руки.

И когда, наконецъ, вся издерганная, вернулась Христина домой и хватилась Моти: ни Моти, ни Раи дома не оказалось, ихъ давно слѣдъ простылъ.

— Уѣхали они и барышня, бросили домъ, — сказала отмалчивавшаяся Фрося, въ ушахъ которой висѣли какія-то невѣроятныхъ размѣровъ серьги — подарокъ Моти, и всхлипнула, — больно ловкіе они кавалеры, Матвѣй-то Михайловичъ, братецъ вашъ, Богъ имъ проститъ.

И обуяло Христину предчувствіе еще худшаго чего-то. Плакать бы ей, легче было бы, да слезъ не было: онѣ горячія изливались гдѣ-то въ глубинѣ ея сердца. Словно на рукахъ подымали ее съ земли и держали надъ пропастью. И давились слова въ ея перехваченномъ горлѣ: трудно ей было слово выговорить.

Пробѣжала она глазами только-что полученное письмо отъ Сергѣя. Писалъ Сергѣй, что больше не можетъ такъ жить, что только теперь почувствовалъ онъ, какъ любить ее и, наконецъ, что рѣшилъ онъ вернуться и послѣзавтра будетъ опять дома.

„Завтра пріѣдетъ... — подумала Христина, — почувствовалъ, что любить, какъ это?.. если полюбишь, а тебѣ не полюбятъ, ты погибнешь... — и спохватилась, вспомнивъ Нелидова: — а развѣ онъ любить меня? А если любить, почему его нѣтъ, и вчера не было, почему онъ не пришелъ ни вчера, ни сегодня?“

Христина бросилась къ Нелидову.

Она спросить его, почему онъ не пришелъ ни вчера, ни сегодня, она расскажетъ ему всѣ свои подозрѣнія, всѣ свои мысли расскажетъ ему, — мысли у ней нехорошія, не хорошо ей, тяжело ей одной, но она не виновата, она будетъ умолять его сказать ей правду, самую страшную правду, — ей не страшно, она ничего не боится, пускай только ска-

жетъ правду: любить онъ ее или не любить?.. Завтра Сергѣй прїѣдетъ, у нея вѣдь ребенокъ и все описали, у нея ничего нѣтъ, ей жить нечѣмъ. Почему не зашелъ, почему? Хоть на минуту, ну только бы справиться, вѣдь весь городъ знаетъ, что ихъ описали. И почему вчера не былъ? А если онъ не любитъ ее... Да развѣ онъ не любитъ ее?.. Ну пускай скажетъ правду, онъ долженъ сказать, онъ долженъ все по правдѣ сказать.

Квартира Нелидова была заперта. Пришлось справляться въ конторѣ. А въ конторѣ говорятъ, уѣхалъ изъ города.

— Они совсѣмъ выбрались, на родину, — сказалъ дворникъ.

И спутались ея мысли.

„Какъ же это такъ? Не предупредивъ? Не сказавъ ни слова? На какую на родину? Гдѣ его родина?“

И черная тѣнь упала на ея душу.

Христина чувствовала эту тѣнь и знала, что никогда ужъ ей не выйти изъ нея.

„Если полюбишь, а тебя не полюбятъ, ты погибнешь.. Нѣтъ, не то... любить и не хотѣть овладѣть любимымъ человекомъ, — невозможно, а овладѣть человекомъ и уничтожить его одно и то же. Нѣтъ, и это не то...“ — мелькали мысли и слова.

Но не было у ней силы обдумывать: она дѣлала все, что ей подсказывала минута.

Сѣла Христина на извозчика. Поѣхала на вокзалъ.

И что Нелидовъ теперь скажетъ ей? Что онъ можетъ сказать?

„А если спросятъ, что сказалъ Костя, скажите, сказалъ Костя: ничего“, — прозвучали вдругъ послѣднія слова Кости.

А, можетъ быть, все это только сонъ, и вотъ сейчасъ она проснется?

„Господи, если бы это былъ только сонъ, — ничего!“

— Почему большой стрѣлки нѣтъ? — остановила Хри-

стина извозчика, поровнявшись съ Соборной колокольней.

— Ничего мы не знаемъ, — отвѣтилъ старикъ - извозчикъ, — такъ, видно, Богу угодно.

— Такъ, видно, Богу угодно... — повторила Христина и повторяла и сердцемъ и всею душою, и забыла о стрѣлкѣ забыла, что спросила у извозчика.

Да какому Богу? И зачѣмъ Ему такое угодно? Что Ему въ ея мукѣ? И развѣ она Ему не молилась? Развѣ она Его не просила помочь ей? Вѣдь она такъ горячо Ему молилась, вѣдь она такъ крѣпко вѣрила и надѣялась. А Онъ что-же? Зачѣмъ Ему такое угодно? Что Ему въ ея мукѣ? Гдѣ Онъ? Слышитъ ли Онъ ее? Да если бы Онъ слышалъ ее, Онъ не допустилъ-бы такое, вѣдь Она Ему молилась... Ну зачѣмъ же тогда молиться? Тогда можно и не молиться...

— „Господи! Господи! Вѣрю, Ты услышишь. Ты всемогущій. Ты услышишь! Ты все видишь. Прости! Вся моя жизнь передъ Тобою и у меня никого нѣтъ и я къ Тебѣ, какъ къ послѣднему моему прибѣжищу. Я одна. Ты видишь. Я одна. Помоги!“

Христина бросила извозчика. Пошла пѣшкомъ. Шла она быстро, словно катилась на конькахъ, и не замѣчала пути.

Очнулась она у вокзальнаго подъѣзда.

Вокзалъ былъ биткомъ набитъ.

И она шныряла между столиковъ, проталкивалась, высматривала Нелидова. Ей показалось, что поверхъ головъ мелькнула его высокая шапка.

„Онъ тутъ, онъ еще не уѣхалъ,“ — подумала она и опять принялась искать его.

Но нѣтъ, она ошиблась: его ужъ тутъ не было.

Бросилась Христина къ дверямъ.

Много народа ожидало поѣзда. Говорили, что поѣздъ опоздалъ, но скоро будетъ.

„Стало быть, поѣздъ еще не отошелъ!“ — обрадовалась

она, и, засматривая каждому въ лицо, разъ десять прошлась по вокзалу, все искала его.

Нѣтъ, она ошиблась: его ужъ тутъ не было.

„Можетъ быть, онъ гдѣ-нибудь тамъ за вагонами, ждетъ ее!“—и она спустилась на полотно и пошла по путямъ.

Прошла Христина семафоръ, прошла будку стрѣлочника, прошла мостъ, и начался пустырь и огороды, а она все шла.

Надъ лѣскомъ, куда загибаетъ полотно, горѣла ярко звѣзда, словно ей свѣтила звѣзда, и вела ее по путямъ за пустырь, за огороды.

И вдругъ услышала Христина, какъ гдѣ-то далеко звонить звонокъ: первый, второй, третій... И въ то же время яркій свѣтъ озарилъ полотно и, разгораясь, застучалъ по путямъ.

И показалось ей: звѣзда, блеснувъ, застучала тамъ надъ лѣскомъ. Прямо на Христину весь, какъ смерть, какъ страхъ, мчался поѣздъ.

— Господи!—шарахнулась она въ сторону съ рельсовъ, а въ душѣ рванулось что-то и оборвалось.

Она видѣла: передъ мчащимся поѣздомъ въ свѣтѣ рефлекторовъ летѣлъ человѣкъ въ высокой шапкѣ, Нелидовъ летѣлъ съ раскинутыми руками, какъ черный огромный орелъ. Она видѣла, летѣлъ онъ долго, черный орелъ, и упали его невѣрныя крылья и онъ ткнулся лицомъ въ нефтяную шпалу.

А шипящія стальные лапы схватили свою добычу и, дыша огнемъ и свистя, разорвали ее на мелкіе кусочки.

И мчался поѣздъ, загребалъ все быстрѣе и быстрѣе подмазанный человѣческой кровью, повинной смерти.

А тамъ надъ лѣскомъ звѣзда стучала.

Глава шестая.

Давно минула полночь.

За холоднымъ самоваромъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, какъ снятая съ креста, сидѣла Христина. Она сидѣла такъ ужъ съ часъ съ тѣхъ поръ, какъ, едва живую, привезли ее съ вокзала. И какая-то упорно-гнетущая мысль стягивала ее лобъ въ глубокую, старушечью морщину.

На диванѣ, вытаращивъ глаза, полулежалъ старикъ, и казалось старику, голова у него отягчена была тараканьими яйцами. И казалось старику, какія-то рожи съ рыжими бородами обступали его: одинъ маленькій бѣсенокъ съ согнутой въ кольцо спиною пилилъ ему ногу, а другой курносый поджаривалъ раскаленнымъ желѣзомъ подошву.

— Нѣтъ нигдѣ состраданія! Некого упросить! Нѣтъ нигдѣ состраданія!—стоналъ отъ безсилія и боли измученный старикъ.

И на минуту рожи съ рыжими бородами исчезали, будто внявъ стонамъ, но хитрыя, обнадеживъ, вдругъ снова появлялись: трясли рыжими бородами, егозили по полу, пѣряли старика: одинъ маленькій бѣсенокъ съ согнутой въ кольцо спиною пилилъ ему ногу, а другой курносый поджаривалъ раскаленнымъ желѣзомъ подошву.

— Нѣтъ нигдѣ состраданія! Некого упросить! Нѣтъ нигдѣ состраданія!—стоналъ отъ безсилія и боли старикъ.

Мигала на столѣ выгорающая лампа.

Дула ночь полымъ ртомъ въ умирающее пламя, и гонялись тѣни юркія, какъ мышата, скакали и липли къ посинѣвшему лицу старика вкругъ его щетинистыхъ сѣдыхъ бровей и, измаявшись, ползли по бородѣ въ разинутый ротъ.

И ползли онѣ темныя, неумолимыя, темныя ночныя тѣни по полу, по ковру, по столу, по Христинѣ, по столу, по полу, по ковру, по всѣмъ угламъ, по всему Ключковскому дому.

И бессонная, ложились спать въ собачьемъ снѣ.

Снился свернувшемуся у ногъ старика Ключковскому псу Купону, будто не комнатный онъ, а дворовый песъ—дворняга, и была будто у него теплая конурка, а вотъ ни за что, ни про что ущемили ему хвостъ, и разоряли конурку.

И безпокойно ворочался песъ Купонъ у ногъ старика.

И только въ чуланѣ между дверей, позднимъ вечеромъ забившись въ чуланъ, сидѣлъ, какъ на царскомъ тронѣ, на поганомъ ведрѣ раздѣтый въ длинныхъ черныхъ чулкахъ Костя, не Костя Ключковъ, а Костя Саваоѣ, не Костя Саваоѣ, а ворона, и сидѣлъ онъ безъ времени, счастливый и довольный, несъ гусиные яйца да утиные, считалъ тараканьи шкурки, чтобы никому ужъ впредь не считать проклятыя шкурки, ковырялъ свой кривой изуродованный носъ и ковырялъ съ жаромъ, съ удовольствіемъ.

А время шло, откалывали часы мигъ за мигомъ въ пучину безъ возврата, повторяя все одно и то же, все одно и то же, какъ вчера, такъ и сегодня.

На Соборной колокольнѣ пробило три.

Прокатились одинъ за другимъ три раздумныхъ, три долгихъ удара, три положенныхъ древнихъ напѣва.

И было на землѣ смертельно тихо.

Замолкавшіе звоны, подымаясь съ земли, летѣли къ звѣздамъ, и, развѣваясь бѣлымъ призрачнымъ паромъ, колебались, какъ бѣлыя перья.

А синія звѣзды далекія пѣли послѣднія надземныя пѣсни и неземныя земною тоской устилали холодное небо.

— Чего балуешь, Костя!—окрикнулъ со сна старикъ соборный сторожъ и, заломивъ голову кверху, вдругъ согнулся и зашагалъ угрюмо по своей полосѣ вокругъ холодной, такой суровой и гордой, бѣлокаменной колокольни...

Высоко надъ домами, на самомъ верхнемъ ярусѣ Со-

борной колокольни, въ оконномъ пролетѣ, упираясь костлявыми ладонями о каменный подоконникъ и выгнувъ длинно по гусиному шею, хохоталъ кто-то, сморщивъ сѣрые, залитые слезами глаза, и сквозь хохоть и слезы посылалъ воздушные поцѣлуи внизъ землѣ въ этой звѣздной ночи.

1903—1904 г